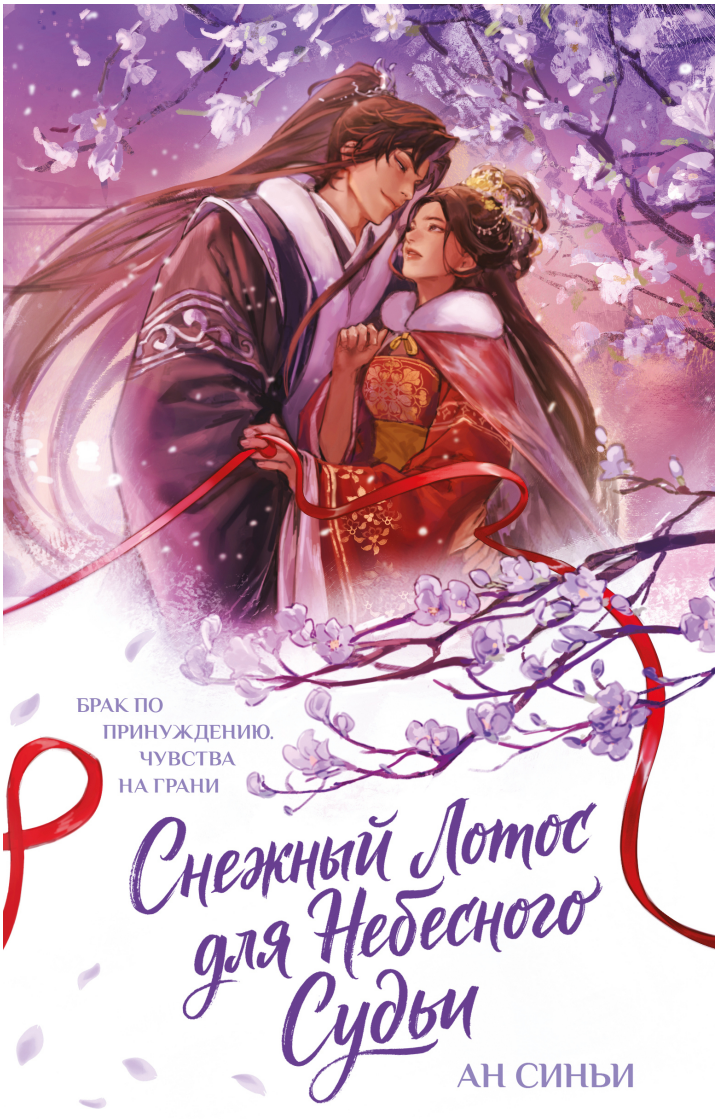

БРАК ПО
ПРИНУЖДЕНИЮ.
ЧУВСТВА
НА ГРАНИ
Снежный Лотос для Небесного Судьи
АН СИНЬИ

Ан Синьи

Снежный Лотос для Небесного Судьи

Серия «Красная нить. Новое азиатское фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74334736
Ан Синьи «Снежный Лотос для Небесного Судьи»: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-251995-6

Аннотация

Лин Юэ – лишь заложница в руках самого страшного человека в Империи. Чтобы искупить грехи своей семьи, она отдана в жены Небесному Судье Шан Гуаню, прозванному Ледяным Драконом. Ее удел – забвение в холодном павильоне, пока муж вершит закон.

Но Судья недооценил свою тихую супругу. Обладая знаниями алхимии, Лин Юэ первой замечает смертельную ловушку, которая грозит уничтожить резиденцию мужа, а вместе с ней и всю столицу.

Вокруг них затягивается петля заговора. Чтобы выжить и очистить свое имя, хрупкой травнице придется стать союзницей мужа-тирана в опасном расследовании. Но что окажется сложнее:

распутать интриги мятежников или растопить ледяное сердце Небесного Судьи?

5 причин купить:

1. Глубокое погружение в мир, полный древних кланов, боевых искусств, духов и тайн императорского двора.

2. Вынужденный брак и троп «от врагов к возлюбленным». Герои пройдут сложный путь от взаимной ненависти до глубоких, искренних чувств.

3. Лин Юэ – талантливая девушка-алхимик с даром Истинного Зрения, способная на равных противостоять опасностям вместе со своим мужем.

4. Шан Гуань – опасный и могущественный Небесный Судья, одного имени которого боится вся столица.

5. Героям предстоит расследовать загадочные убийства духов, столкнуться со зловещим культом и распутать клубок политических интриг, где на кону – существование Империи.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	27
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	64
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ан Синьи
Снежный Лотос для Небесного Судьи

© Ан Синьи, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

В доме клана Лин всегда пахло ложью. Для обычного человека этот запах был неуловим. Гости, переступающие порог нашего поместья, чувствовали лишь аромат дорогих благовоний, жасмина, цветущего в теплых залах, и сладковатый дух процветания. Но я слышала и видела истину.

Для меня ложь имела цвет гнилой охры и запах стоялой воды, в которой утопили крысу. Эта вонь пропитала шелковые гобелены в главном зале, въелась в деревянные полы и, казалось, исходила от самой кожи обитателей этого дома.

Я сидела на полу своей комнаты в самом дальнем и холодном крыле дома, которое слуги презрительно называли Приютом Забытых. Окна здесь были заклеены промасленной бумагой, пропускающей сквозняки, а жаровня давно остыла, но я не чувствовала холода, так как давно привыкла к нему. В моих руках была небольшая медная ступка, украденная с кухни три года назад, тихо звякнувшая, когда я опустила в нее пестик.

– Тише, – прошептала сама себе. – Еще половина палочки благовоний, и эссенция будет готова.

Передо мной на низком столике были разложены сокровища, за которые мой отец Лин Чжэн не задумываясь приказал бы отрубить мне руки. Сушеный корень призрачного имбиря, щепотка пыльцы синего тумана и три капли моей

собственной крови, собранной в крошечный флакон. Я готовила мазь Сокрытия Лица.

Моя мачеха Янь Хун, вторая наложница отца, поистине захватившая власть в доме после смерти моей матери, завтра устраивала смотр. Она собиралась представить меня, законную дочь, какому-то старому торговцу шелком из южных провинций в качестве третьей жены. Я не могла этого допустить, но и отказать открыто не имела права.

Поэтому готовила мазь. Если нанести ее на кожу за стражу до рассвета, лицо покроется красными пятнами, похожими на симптомы пепельной лихорадки. Уродливо, заразно на вид, но абсолютно безопасно. Торговец сбежит, едва взглянув на меня.

Прикрыла глаза, открывая свое проклятие и дар – Истинное Зрение. Мир потерял краски, став сплетением потоков ци. Посмотрела в ступку. Смесь внутри светилась грязно-серым, но в центре уже зарождалась искра нужного мне бледно-зеленого цвета.

– Еще немного ци, – прошептала я.

Я была слаба. Мое ядро, едва сформировавшееся на стадии Основания, походило на треснувшую чашу. В этом доме мне не давали духовных камней для развития, а пищу приносили такую, что в ней почти не было живительной ци. Я росла как сорняк на камнях, но у сорняков корни крепче, чем у садовых пионов.

Направила тончайшую нить ци в ступку, заставляя ком-

поненты слиться воедино. Запах изменился, теперь от смеси веяло не кровью, а горькой полынью и жженым сахаром. Готово. Я быстро переложила мазь в пустую баночку из-под румян и спрятала ее в тайник под половицей, туда, где лежало мое главное наследство – дневники матери.

Едва я успела опустить доску на место и расправить циновку, как дверь в мою комнату с грохотом распахнулась. В проеме стояла Янь Хун. Она была красива той вызывающей, кричащей красотой, которая с годами не увядает, а становится лишь агрессивнее. На ней было ханьфу[1] цвета спелой сливы, расшитое золотыми нитями, слишком роскошное для простого вечера, но Янь Хун любила напоминать всем о своем положении. За ее спиной жались две служанки с опущенными головами.

– Чем это здесь воняет? – Янь Хун сморщила нос, прикрыв его надушенным рукавом. От нее самой разило тяжелым, удушливым мускусом и приторной розовой водой. – Ты снова жгла тряпки, мерзкая девчонка?

Я склонилась в поклоне, пряча руки в широких рукавах старого, застиранного платья.

– Приветствую вторую матушку. Я лишь пыталась разжечь остатки угля, чтобы согреть воду.

– Матушку? – Она фыркнула, проходя в комнату. Ее цепкий холодный взгляд обшаривал углы. – Я тебе не матушка. Мои дети – благородные наследники, а не… это.

---

[1] Традиционный китайский костюм.

Она пнула ногой остывшую жаровню. Пепел взметнулся облаком, оседая на моих волосах. Я не шелохнулась. Мое лицо выражало покорность, которую я носила как маску с пяти лет, но мое зрение видело духовную суть Янь Хун. Она была багровой, пульсирующей раздражением и злорадством. Сегодня мачеха пришла не просто поиздеваться. В ее потоках ци виднелись острые желтые иглы предвкушения.

– Встань, – скомандовала она.

Я выпрямилась. Янь Хун подошла ко мне вплотную. Она была ниже меня ростом, но обувь и высокая прическа скрывали это. Она протянула руку с длинными, окрашенными в алый цвет ногтями и больно схватила меня за подбородок, поворачивая лицо к свету.

– Бледная, как моль, – процедила она. – Глаза тусклые, ни груди, ни бедер. И как только твой отец надеется получить за тебя хоть дань риса?

– Отец мудр, – тихо ответила, глядя в точку над ее левым ухом. – Он найдет применение даже сухому хворосту.

– О да. – Губы мачехи растянулись в улыбке, больше похожей на оскал. – Он нашел и на этот раз, Лин Юэ, и тебе не помогут твои маленькие хитрости.

Мое сердце пропустило удар. Она догадалась? Нет, невозможно. Никто не знал о моих снадобьях.

– О чем вы говорите, госпожа?

Янь Хун отпустила меня и брезгливо вытерла пальцы о платок.

– Торговец шелком отменил визит, – сказала она, наслаждаясь моментом. Я мысленно выдохнула. Мазь не понадобится. – Но не радуйся, – продолжила мачеха, заметив тень облегчения на моем лице. – Отец нашел покупателя получше. Того, кто не смотрит на лицо и кому плевать, жива ты или мертва, лишь бы ты носила фамилию Лин. – Она обошла меня вокруг, шурша шелком. – Собирай свои вещи, Лин Юэ. Хотя… какие у тебя вещи? Этот мусор? – Янь Хун обвела рукой мою комнату. – Оставь все здесь. Там, куда ты едешь, тебе ничего не понадобится, кроме алого шелка.

– Кто он? – спросила я, забыв об этикете.

– Ты скоро узнаешь. Отец ждет тебя в Зале Предков. – Мачеха звонко рассмеялась и направилась к выходу, но на пороге она обернулась. – Знаешь, я даже завидую тебе. – Ее глаза сверкнули чистой ненавистью. – Ты станешь женой такого человека… Пусть и ненадолго. Говорят, его предыдущие невесты не доживали и до первой брачной ночи или сходили с ума.

Она вышла, оставив меня в тишине, нарушаемой лишь стуком моего сердца. Невесты, которые сходили с ума? Человек, которому плевать на лицо? Я бросилась к тайнику. Плевать на приказы, я не оставлю дневники матери. Быстро достала стопку старых пожелтевших свитков, завернула их в кусок промасленной ткани и спрятала за пазуху под нижнее платье. Туда же отправился мешочек с инструментами: мои иглы, нож для трав и флаконы. Это было все мое приданое

и оружие.

Когда я шла по длинным открытым галереям к Залу Предков, снег начал падать крупными мокрыми хлопьями. Колонны, покрытые облупившимся красным лаком, казались костями старого скелета. Зима в этом году пришла рано, суля долгие холода.

В Зале Предков было темно, только свечи на алтаре освещали таблички с именами мертвецов клана Лин. Отец стоял спиной ко мне, глядя на табличку моей матери. Его аура была серой, мутной и пронизанной страхом, пахшим кислым вином и по́том.

– Отец, – позвала я, опускаясь на колени у входа. Лин Чжэн вздрогнул и резко обернулся. Он выглядел постаревшим. Под глазами залегли тени, руки, как обычно унизанные перстнями, нервно теребили пояс.

– Юэ-эр[2]. – Его голос был хриплым. – Ты пришла.

– Вторая матушка сказала, что вы звали меня.

– Да. Встань.

Я поднялась. Он не смотрел мне в глаза. Его взгляд бегал по залу, задерживаясь то на колоннах, то на тенях в углах.

– Времена сейчас тяжелые, Юэ-эр, – начал он издалека, как делал всегда, когда собирался совершить подлость. – Клан Лин… мы столкнулись с некоторыми трудностями. Завистники клевещут на нас, внимание цензоров… долги…

---

[2] Суффикс «эр» (儿, pinyin: **ér**) в китайском языке добавляют к концу слова, чтобы придавать ему уменьшительно-ласкательный оттенок.

Я молчала, потому что знала правду: мельком видела Истинным Зрением отчеты, которые отец прятал в рабочем зале. Он продавал поддельные пилюли бессмертия в Нижнем городе, смешивал дешевую пепельную траву с толченым мелом и выдавал это за эликсиры прорыва и много чего еще. Люди умирали в страшных муках от выжженных меридианов, а золото текло в его карманы. Но теперь, видимо, он перешел дорогу кому-то слишком влиятельному.

– Я нашел способ спасти семью, – сказал он, наконец набравшись смелости взглянуть на меня. – И спасти твою честь. Тебе уже восемнадцать, Юэ-эр, ты засиделась в девках. Злые языки болтают…

– Кто он, отец? – перебила я. Лин Чжэн дернул щекой.

– Небесный Судья. Шан Гуань.

Имя упало как камень в колодец. Шан Гуань, Ледяной Дракон, палач Империи, человек, чьим именем матери пугали детей. Говорили, что в его жилах течет кровь драконов, что его сердце – кусок льда, а в его подвалах томятся души грешников.

– Судья… берет меня в жены? – Мой голос дрогнул от ужаса. Зачем Небесному Судье, человеку, который стоит выше законов, дочь мелкого проворовавшегося торговца?

– Это… сделка. – Отец вытер пот со лба. – Он согласился покрыть недостачу в казне и закрыть глаза на… некоторые ошибки в моих отчетах в обмен на жену из рода Лин.

– В обмен на заложницу, – поправила я тихо. Отец вспых-

нул.

– Не смей так говорить! Ты станешь госпожой Шан! Хозяйкой Облачной Резиденции! Это честь!

– Честь? – Я подняла голову и впервые за много лет посмотрела на отца без покорности. Мое зрение показало мне правду. В его потоках ци не было заботы, только облегчение. Он продал меня, чтобы купить себе жизнь. – Он известен тем, что ненавидит наш род, отец, и считает алхимиков шарлатанами. Он берет меня в жены, чтобы унизить тебя или чтобы иметь рычаг давления.

– Молчать! – взвизгнул отец, замахиваясь. Я не отшатнулась и только смотрела на его руку. Он не ударил и опустил ладонь, тяжело дыша. – Свадебный паланкин прибудет утром, – бросил он. – Готовься. И помни, Юэ-эр… если ты сделаешь что-то, что разгневает Судью… если попытаешься сбежать или покончить с собой, то он уничтожит весь клан. Ты отвечаешь головой не только за себя, но и за всех нас.

Он развернулся и быстро вышел из зала, словно убегая от призраков предков, которые смотрели на него с укором. Я осталась одна в полумраке. Шан Гуань. Моя судьба была решена, я должна отправиться в логово чудовища.

Подошла к табличке матери. «Лин Яо» – гласили золотые иероглифы. Женщина, которая была истинным гением алхимии, но угасла в этом доме, как свеча без воздуха.

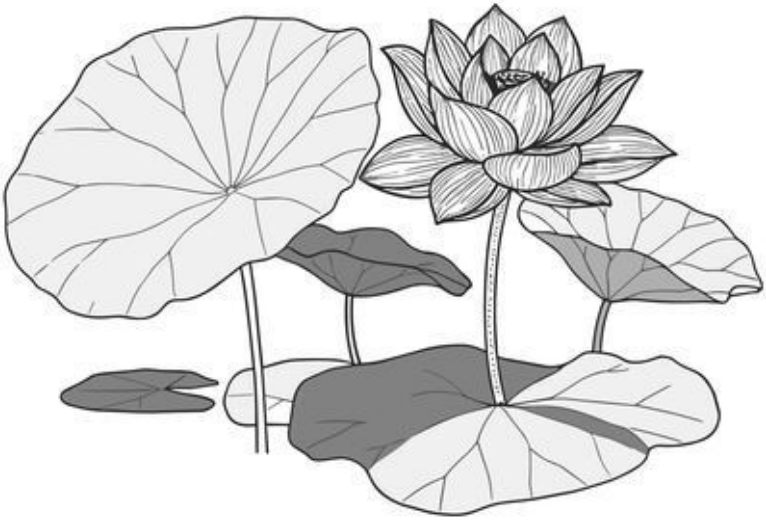
– Ты говорила, что знание – это свобода, мама, – прошептала, касаясь холодного дерева. – Я выучила твои уроки.

Отец думает, что продал меня в рабство, Янь Хун – что отправила меня на смерть. – Положила руку на грудь, чувствуя твердые свитки дневников под одеждой. – Но они ошибаются. Облачная Резиденция – это крепость, а в крепости есть стены, за которыми можно спрятаться. И там есть величайшая библиотека в Империи.

Печально и устало улыбнулась.

– Я выживу, мама. Я стану тенью, стану льдом и той, кем нужно, чтобы выжить, и однажды этот клан пожалеет, что отдал меня.

Развернулась и пошла к выходу. Утром за мной приедут, поэтому нужно успеть надеть красное платье цвета траура по моей прошлой жизни и цвета крови, которая, несомненно, еще прольется.

Глава 1

Снег падал так тихо, словно сами Небеса боялись потревожить покой этого места. Крупные и тяжелые, как пепел сгоревших надежд, снежинки оседали на крыше моего свадебного паланкина, на плечах дрожащих слуг и на моем сердце.

Я приоткрыла тяжелую завесу, расшитую серебряными фениксами, и выглянула наружу. Впереди, вырастая из тумана, как спящий зверь, возвышалась Облачная Резиденция, дом Небесного Судьи Шан Гуаня, моя тюрьма или, если верить брачному контракту, подписанному кровью моего отца, мой новый дом.

– Прибыли, госпожа Лин. – Голос старшего слуги моего отца сорвался на шепот. Он боялся. Все боялись этого места. Даже воздух здесь казался разреженным, колючим, пахнущим не городской гарью, а надвигающейся грозой и замерзшими чернилами.

Сжала ладонь на коленях, чувствуя холод металла на запястьях. Брачные браслеты. Не из золота и не из нефрита, как положено невесте из благородного рода, а из черного звездного железа, тяжелые, поглощающие тепло кожи. Они прибыли утром вместе с управляющим Чэнем и брачным контрактом.

– Надень, – приказал отец, отводя взгляд.

И я надела. Замки щелкнули с хищным звуком, намертво

сцепляясь на моих запястьях. Ключа не было. Отец сказал, что это подарок жениха, символ нерушимости союза. Я же знала правду: это кандалы для преступницы. Снять их мог только тот, кто владел ключом. Или смерть.

В памяти всплыли слова отца перед отъездом. Он не смел поднять на меня глаз, комкая в руках рукав халата: «Юэ-эр, это единственный выход. Клан Лин разорен. Мои ошибки… они слишком велики. Судья Шан Гуань согласился покрыть долг и сохранить нам жизнь в обмен на тебя. Будь покорной и тихой. Не зли его».

Не зли его. Как можно не злить того, чьим именем матери пугают непослушных детей? Шан Гуань, Небесный Судья, Ледяной Дракон Империи. Человек, который отправил на плаху больше коррумпированных чиновников и темных заклинателей, чем было волос на моей голове. Говорили, что в его груди вместо сердца бьется застывший лед северных пиков. Что ж, лед лучше гнили. В доме отца я задыхалась от лжи, здесь же, возможно, просто замерзну.

Паланкин опустился на землю. Слуга отдернул занавесь, и меня ударил морозный ветер. Я вышла, стараясь держать спину прямо, как учила мама. Мое свадебное платье было красным, как свежая кровь на снегу. Оно казалось слишком ярким и дерзким для этого царства белого безмолвия. На мне находилось шесть слоев шелка, но холод пробирал до костей. Это было давление чудовищной духовной силы, а не холод зимы. Аура хозяина поместья тяжестью легла на пле-

чи, пригибая к земле.

Встречать нас никто не вышел. Огромные ворота из черного дерева оказались распахнуты, но за ними не было ни хлопушек, ни приветственных огней, ни музыкантов, ни радостных возгласов, как полагалось при въезде невесты в дом жениха. Только пустой двор, вымощенный серым тесаным камнем. Ни соринки, ни постороннего звука. Лишь двое неподвижных, словно статуи, стражей в лазурных доспехах стояли у входа в главный зал.

– Госпожа Лин Юэ из клана Лин прибыла! – возвестил мой слуга, но голос его прозвучал как петушиный выкрик. Тишина поглотила его голос, не оставив даже эха.

От тени колонны отделилась фигура слуги – сухопарого старика с лицом, напоминающим пергамент, на котором давно высохли чернила. Он поклонился, но в этом поклоне не было уважения, лишь холодное приличествование.

– Следуйте за мной, госпожа, – произнес он бесцветным голосом. – Господин ожидает в Зале Правосудия.

Не в приемном зале для гостей, как ожидалось, а в Зале Правосудия. Это не брак, а суд.

– Благодарю, – тихо ответила я, скрывая напряжение.

Каждый шаг давался с трудом. Казалось, законы природы здесь работали иначе, подчиняясь воле хозяина. Я смотрела по сторонам, и дыхание перехватывало от суровой, выверенной до волоска красоты этого места. Здесь не было пышных пионов или кричащих золотых драконов, которыми так

гордился мой отец, только камень, вода, бамбук и снег. Все подчинялось строгому порядку.

Я моргнула, на мгновение высвобождая свой дар – то, что я скрывала ото всех, кроме материнских дневников. Мир изменился. Обычно он представал передо мной паутиной цветных нитей: чувств, лжи, скрытых намерений. В доме моего отца все было запутано в грязно-желтые и серые клубки страха и обмана, стены источали предательство. Но здесь все оказалось пронзительно-голубым и чистым до рези в глазах. Линии защитных барьеров были начертаны с пугающей точностью. Никакой гнили, никакой скрытой злобы в стенах, только Закон. Жесткий, неумолимый, холодный Закон. Этот дом не лгал и просто не терпел слабости.

Мы подошли к дверям главного павильона, и управляющий остановился.

– Входите, господин не любит ждать.

Я глубоко вдохнула, поправила тяжелую золотую заколку в волосах и, убедившись, что спрятанный за пазухой мешочек с инструментами надежно закреплен, переступила порог.

Внутри пахло старой бумагой, сандалом и опасностью. Зал был огромен. Высокие колонны уходили во тьму под потолком. Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи со свитками. В центре, на возвышении, за простым столом из черного дерева сидел он. Шан Гуань.

Он не поднял головы, когда я вошла. Кисть в его руке дви-

галась плавно и ритмично, оставляя на бумаге иероглифы, которые обладали силой печати. Его черные как ночь волосы были собраны в строгий пучок, закрепленный серебряной шпилькой в форме рога дракона. Одеяния оказались белыми, с едва заметной вышивкой облаков по краям – цвет траура и чистоты, цвет, который носят лишь те, кто стоит выше мирской суеты.

Я прошла к центру зала, шаги гулко отдавались эхом, и опустилась на колени, склонив голову так низко, что шпильки коснулись ледяного пола.

– Лин Юэ, дочь Лин Чжэна, приветствует своего мужа и господина, – произнесла я. Мой голос не дрогнул. Я тренировалась всю дорогу, повторяя эти слова как мантру. Скрежет кисти о бумагу прекратился. Тишина стала звенящей.

– Мужа? – Его голос был тихим, глубоким, дрожащим где-то в груди.

Он звучал как треск льда на озере весной. Я почувствовала, как острый, испытующий взгляд Шан Гуаня скользнул по мне. Так мясник оценивает тушу на рынке, так судья рассматривает улику. Это не был взор мужчины, который смотрит на женщину, тем более на свою жену.

– Подними голову.

Я повиновалась и встретилась с ним взглядом. Его глаза были цвета грозового неба перед самым ударом молнии. Серые, с вертикальным зрачком, который на мгновение расширился и сузился, фокусируясь на мне.

Красивый. Боги, он был пугающе, нечеловечески красив. Тонкие черты лица, бледная кожа, словно вырезанная из нефрита высшего качества, и взгляд, от которого хотелось сжаться в комок и исчезнуть, превратившись в пыль.

– Ты похожа на него. – В его тоне не было ненависти, только изъявление брезгливой истины. – На своего отца. Те же глаза и та же кротость.

– Мой отец… – начала я, пытаясь защитить не его, а остатки чести клана.

– Твой отец – вор и лжец, – перебил Шан Гуань, не повышая голоса. – Он продавал яды под видом лекарств в Нижнем городе и подделывал отчеты для императорской казны. Если бы не обещание, данное твоему деду много лет назад, весь ваш клан уже висел бы на крепостной стене, а вороны клевали ваши глаза.

Слова били наотмашь, как плеть. Я знала это, ведь видела эти отчеты своим Зрением, но слышать правду вот так, без прикрас, было больно.

– Я здесь, чтобы искупить его вину, – тихо сказала я, глядя в подбородок Шан Гуаню. Он усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

– Искупить? – Он встал из-за стола и медленно спустился по ступеням ко мне. Он был подавляюще высоким. – Ты думаешь, твое присутствие здесь что-то искупает? Думаешь, мне нужна женщина в постели или хозяйка в доме?

Он остановился в шаге от меня, и я почувствовала исходя-

щий от него холод. Это не иносказание, само дыхание жизни вокруг него замерзало, и мое дыхание превращалось в пар.

– Ты – залог, Лин Юэ. Живое напоминание твоему отцу о том, что будет, если он снова оступится. Ты заложница и бесполезное украшение в моем доме.

Он наклонился, схватил меня за подбородок холодными пальцами и заставил смотреть прямо в эти бездонные серые глаза. Я снова открыла Зрение Истины, не удержавшись.

Я ожидала увидеть черноту злобы, но узрела сталь. Безупречную холодную основу. Шан Гуань верил в каждое свое слово. Он не наслаждался моим унижением, а пытался навести порядок. В его мире я была грязным пятном, которое нужно оградить, чтобы оно не испортило картину.

– Слушай меня внимательно, – прошептал он. – Ты никогда не станешь хозяйкой Облачной Резиденции. Ты не будешь вмешиваться в мои дела и не посмеешь входить в этот зал, пока я не позову. Твое существование здесь должно быть тише падения лепестка. – Он отпустил мое лицо с выражением скуки. – Если ты попытаешься плести интриги в угоду отцу… Если попытаешься использовать свое положение… Если хоть раз солжешь мне…

Он поднял руку и сжал кулак. Брачные браслеты внезапно впились в мои запястья, причиняя острую боль. Иероглифы на них вспыхнули синим светом. Я закусила губу, сдержав вскрик.

– Я узнаю, ведь я – Небесный Судья и вижу ложь, как гон-

чая чует кровь, и тогда, Лин Юэ, ты позавидуешь преступникам в моих темницах. – Он отвернулся, теряя ко мне всякий интерес, и вернулся к столу. – Управляющий Чэнь! – позвал он, не оборачиваясь. Старик появился из тени, словно и не уходил. – Отведи госпожу в Бамбуковый Павильон.

Я не знала этого места, но увидела, как дрогнуло бесстрастное лицо управляющего. В его ци мелькнула вспышка искреннего испуга и жалости.

– Но, господин, – осмелился подать голос старик, низко кланяясь, – сегодня первая брачная ночь… Ритуал… Бамбуковый Павильон не отапливается уже много лет, это место для…

Он осекся под тяжелым взглядом Судьи. Мне не нужно было дослушивать, ведь все стало ясно. Неотапливаемый дом и испуг слуги. Это была не спальня жены, а ссылка. Тюрьма для неугодных. Шан Гуань же снова взял кисть.

– Для брака нужны двое, Чэнь, а я здесь вижу только долг и плохую сделку. Уведи ее, она утомляет меня своим присутствием.

Поднялась с колен, ноги затекли и дрожали, но я заставила себя выпрямиться. Я не заплачу. Не здесь и не перед ним. Я – дочь Лин, но больше не их марионетка. Я выживу назло ему.

– Спокойной ночи, муж мой, – произнесла с той долей покорности, которая граничила с дерзостью, и поклонилась его идеальной, прямой и холодной спине. Он мне не ответил.

Мы шли через огромный сад. Снег усилился, красные

фонари, развешанные вдоль дорожек, казались размытыми кровавыми пятнами во мгле. Бамбуковый Павильон оказался именно таким, каким я и его ожидала увидеть. Старый, продуваемый всеми ветрами, с крыльцом, поросшим мхом. Внутри было темно и холодно, едва ли теплее, чем на улице. Мебель была покрыта грубой тканью, на полу лежал слой пыли толщиной в палец.

– Еду будут приносить дважды в день, – сказал управляющий Чэнь, не переступая порог. – Воду для умывания – утром, дрова находятся за домом. Госпожа должна сама следить за своим бытом, так как слуги заняты в основной усадьбе.

Это было изгнание. Шан Гуань хотел, чтобы я чувствовала себя ничтожеством.

– Я поняла, – кивнула я. – Спасибо, дядя Чэнь.

Старик странно посмотрел на меня, видимо, не привык к вежливости от благородных дев, которых только что смешали с грязью, и тихо ушел, растворившись в снегопаде. Я осталась одна. Тишина обрушилась на меня всем своим весом, только ветер скрипел стволами бамбука за стеной, напоминая шепот духов.

Подошла к единственному окну. Отсюда сквозь пелену снега был виден свет в окнах главного служебного покоя, где сидел мой муж. Посмотрела на свои руки. Кожа покраснела там, где металл браслетов впился в плоть.

– Утомляю тебя? – прошептала в пустоту и усмехнулась. –

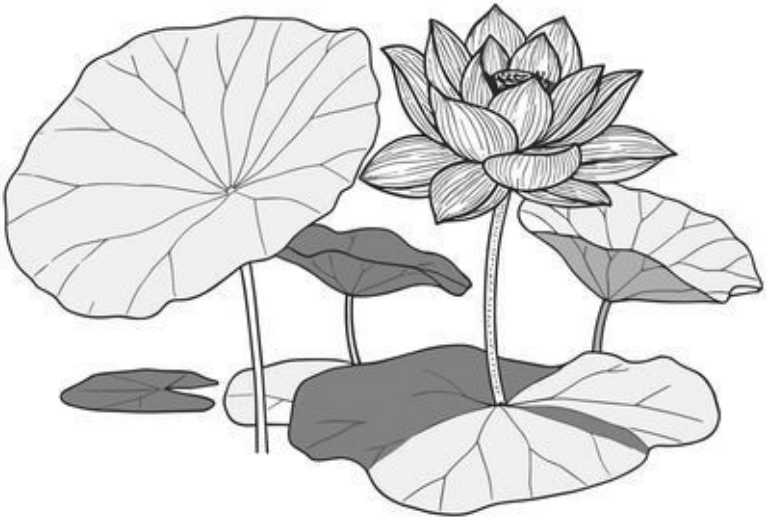
Бесполезное украшение?

Распахнула широкий рукав своего свадебного платья и достала оттуда маленький потертый мешочек с инструментами. Серебряные иглы, пара склянок с редкими настоями, сушеные травы и дневники матери. То, что я успела спрятать, когда меня одевали к свадьбе.

Отец думал, что отдал меня на заклание, Шан Гуань же – что получил заложницу. Но они оба ошибались. Я всю жизнь прожила в доме лжеца, научившись замечать правду там, где другие видели лишь красивый фасад, и умела выращивать цветы на камнях и варить лекарства из ядов.

– Что ж, Шан Гуань. – Провела пальцем по пыльному столу, оставляя след и смотря, как гаснет свет в его окне. – Ты хочешь, чтобы я была тихой тенью? Я буду, но помни: тени видят все, что скрыто от света. И однажды тебе может понадобиться именно то, что ты так презираешь.

Зажгла огарок свечи, найденный на полке, достала тряпку и принялась за уборку. Холод пробирал до костей, но внутри меня разгорался маленький упрямый огонек. Я выживу и заставлю этот лед растаять.

Глава 2

Влажный и пробирающий до костей холод за ночь просочился сквозь щели в стенах, превратив мою постель в ледяной склеп. Но куда страшнее холода был металл. Брачные браслеты, казалось, за ночь стали меньше на целый цунь. Они впились в запястья, передавливая вены, и я чувствовала, как немеют пальцы. Это утро начиналось с боли.

Попыталась направить поток ци к рукам, чтобы согреть их, но сила натолкнулась на невидимую плотину. Черное звездное железо жадно поглощало мою силу, оставляя лишь крохи, достаточные для того, чтобы сердце билось, но недостаточные для полноценного сотворения техник. Это было мучительно, словно кто-то перекрыл дыхание моей душе.

Открыла глаза, уставившись в потолок, где в серой паутине покачивалась мертвая муха. Острая и безжалостная память тут же подбросила события вчерашнего дня. Унизительная передача меня, как даня риса, оценивающий, равнодушный, как у мясника, выбирающего жертву, взгляд Шан Гуаня и этот заброшенный дом на краю обрыва. Я села, растирая онемевшие предплечья. Металл был холодным, проникающим под кожу ледяными иглами.

– Ты жива, Лин Юэ, – прошептала я, и облачко пара вырвалось изо рта. – Это главное. Пока ты дышишь, то можешь сражаться.

Первым делом нужно избавиться от свадебного облачения. Красный шелк, расшитый золотыми фениксами, сейчас казался мне насмешкой. Тяжелый наряд давил на плечи, сковывая движения. Я срывала с себя слои дорогой ткани с мстительным удовольствием и в итоге осталась в простом нижнем платье из белого хлопка.

Нашла свои старые вещи, которые через мольбы позволили взять из дома, и надела выцветшее голубое ханьфу. Оно было простым, почти крестьянским, но в нем я чувствовала себя собой, а не куклой.

Ступая босыми ногами по полу, покрытому слоем пыли, я оставляла следы. В углу комнаты, за ширмой с порванной рисовой бумагой, обнаружились медная лохань и треснувший кувшин, где вода подернулась коркой льда.

Звук треснувшей под пальцами корочки прозвучал неестественно громко в мертвой тишине дома. Умывание ледяной водой – лучший способ прогнать жалость к себе. Кожа горела, но разум прояснился. Заплетя волосы в простую косу, закрепила ее деревянной шпилькой и спрятала в рукав самое ценное – мешочек с приборами. Теперь он будет со мной всегда, как часть тела.

Шан Гуань сказал, что я бесполезное украшение. Что ж, сегодня украшение собиралось вымести из своего нового дома вековую грязь. Но сначала нужно узнать, чем меня собираются кормить.

Вышла на крыльцо. Снаружи мир был погребен под белым

саваном. Облачная Резиденция оправдывала свое название: густой молочный туман клубился в низинах, скрывая основания скал, на которых стояли владения. Мой павильон действительно находился на самом краю мира. За низким полуразрушенным каменным забором зияла пропасть, откуда тянуло сыростью и запахом далекой невидимой реки.

У ворот прямо на снегу стоял поднос. Я спустилась по скрипучим ступеням, кутаясь в накидку. Еда. Миска жидкой рисовой каши, блюдце с маринованными овощами, которые выглядели заветренными, и давно остывший чайник. Ни слуг, ни приветствий. Они оставили это здесь и сбежали, словно принесли подношение злому духу или миску для страдающей небесным недугом.

– Спасибо и на этом, – пробормотала я, поднимая поднос.

Каша была безвкусной, но, по крайней мере, не отравленной. Мое Зрение не заметило в ней посторонних примесей. Я ела медленно, сидя на ступенях и рассматривая свои владения.

Зрелище казалось печальным. Когда-то здесь был изысканный сад камней. Прослеживались следы старых дорожек, выложенных мелкими камушками и теперь скрытых под снегом и сухой травой. Старая слива, изогнутая ветром, чернела на фоне неба, словно иероглиф «смерть», начертанный неумелой рукой. Бамбуковая роща, давшая название павильону, разрослась хаотично, наступая на дом, как вражеская армия, готовая поглотить руины. Но для человека с моим

даром запустение выглядело иначе.

Отставила пустую миску и прикрыла глаза. Вдох. Выдох. Ци с трудом, преодолевая сопротивление металла на запястьях, потекла к глазам. Глазные нервы отозвались привычным покалыванием.

Открыть.

Мир вспыхнул. Если главное поместье Шан Гуаня сияло выверенной чистотой Закона, то здесь царил хаос, но это был живой хаос. Я видела зеленые нити жизненной силы, пульсирующие в корнях старой сливы, которая спала глубоким зимним сном, но не вымерзла. Я видела серые пятна застоя в углах двора, где скапливалась инь-ци. Видела красные искорки злости в зарослях дикого шиповника, который душил более слабые растения. Это не кладбище, а больной, которого просто давно не лечили.

– Ну что ж, – сказала сама себе, поднимаясь и отряхивая юбку. – Раз мужу не нужна хозяйка, то я буду садовницей. А раз ему не нужна жена, то стану служанкой.

Нашла в сарае старую метлу из веток и деревянное ведро. Следующие две стражи я посвятила яростной борьбе с пылью. Это была не просто уборка, а медитация. С каждым взмахом метлы я выметала из своей жизни страх перед отцом, а с каждой тряпкой, почерневшей от грязи, стирала воспоминания о насмешках Янь Хун.

Я отмывала полы ледяной водой из колодца, пока мои руки не покраснели и не распухли, а браслеты не стали обжи-

гать холодом еще сильнее. Но телесная боль глушила тревогу. К полудню пол в главной комнате сиял, а паутина исчезла из углов. Дом начал дышать.

Когда с внутренним убранством было покончено, я вышла в сад. Снег оказался неглубоким, ведь здесь, на скале, его сдувало ветром. Подошла к старой сливе и коснулась ее шершавой коры ладонью.

– Ты голодна, – прошептала, чувствуя слабый отклик древесной души. Почва здесь была иссушена ветрами и истощена дикими травами.

Опустилась на колени и начала разгребать снег и прелую листву у корней. Мои пальцы, привыкшие к тонкой работе с весами и инструментами, теперь погружались в холодную грубую землю. Но мне это нравилось, ведь земля не лжет. Она либо дает жизнь, либо забирает ее.

Внезапно мое Истинное Зрение, которое я не гасила до конца, оставляя на грани восприятия, дернулось, как пламя свечи на сквозняке. В дальнем углу сада, где бамбук рос особенно густо, у каменной стены, я заметила странное свечение. Не зеленое, как у живых растений, но и не серое, как у мертвых. Оно было фиолетовым, едким, пульсирующим, словно больной нарыв. Тонкая струйка ядовитого дыма, невидимого обычному человеческому глазу, поднималась от земли.

Нахмурилась. В доме Небесного Судьи, где каждый чжан пространства должен быть защищен барьерами от зла, такая

аура казалась очень странной. Подошла ближе, продираясь сквозь сухие, царапающие стебли бамбука. Сила исходила из земли. Снег здесь не лежал, а таял, едва касаясь почвы, образуя грязную, маслянистую лужу.

Присела на корточки. Едва уловимый сладковатый запах, напоминающий дух гниющих персиков и горького миндаля, вошел в ноздри. Достала из прически шпильку и осторожно разрыхлила землю, которая была мягкой и податливой, а не слежавшейся и мерзлой, как везде в саду. Похоже, кто-то копал здесь совсем недавно. Вчера ночью или сегодня на рассвете, перед самым моим приездом.

Из грязи показался росток. Он был черным, с тонкими фиолетовыми прожилками. На верхушке набухал бутон, похожий на глаз змеи с вертикальным зрачком. Мое сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле. Теневой Первоцвет.

Я отдернула руку, едва не выронив шпильку. Это растение не растет само по себе. Это редкость, запрещенная в Трех Царствах под страхом смерти тысячи порезов. Она действует медленно, проникая в каналы ци и создавая обманчивую иллюзию невероятной легкости, которая вскоре сменяется ледяным ознобом и сжигающим внутренности жаром. Тело начинает противиться собственной силе, вызывая опасные, неподневольные всплески ци, а затем происходит полное искажение духовного ядра и мучительная смерть. И оно росло здесь, в саду новой жены Небесного Судьи. Кто его посадил?

Холодный и логичный ответ пришел сам собой. Земля свежая, растение молодое, явно только что пересаженное из горшка. Это сделали не давным-давно, а к моему приезду.

Первая мысль была бежать к Шан Гуаню, упасть в ноги и рассказать: «Смотри, кто-то хочет навредить тебе или мне! В твоем доме лазутчик!» Я уже начала подниматься, но замерла, словно меня ударили хлыстом. Вспомнила его холодные и полные презрения глаза вчера. «Если ты попытаешься плести интриги в угоду отцу… Если попытаешься использовать свое положение… Если хоть раз солжешь мне…»

Если я приду к нему сейчас с ядовитой травой в руках, что он подумает? Что я нашла ее? Или что я, дочь известного на всю столицу мастера ядов, привезла ее с собой? Что посадила ее здесь, в тайном месте, чтобы вырастить оружие против мужа-тирана? Все улики укажут на меня. Я единственная, кто живет в этом павильоне, и я алхимик. Мой род славится именно такими вещами.

– Проклятье, – выдохнула, опускаясь обратно на мокрый снег.

Ловушка захлопнулась. Блестящая, идеальная ловушка. Сказать – обвинят в покушении. Промолчать – позволить этой дряни расти. Если ветер подует в сторону главного дома и пыльца попадет в легкие Шан Гуаня… Или если он придет с проверкой и заметит этот росток…

Меня казнят в любом случае.

– Нет. – Сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. –

Я не буду играть по вашим правилам. Я не умру ради чужой интриги.

Снова посмотрела на растение своим особым зрением. Корни уходили глубоко, переплетаясь с корнями бамбука. Если просто вырвать его, остатки корней сгниют и отравят почву на много ли вокруг. Его нужно извлечь целиком, запечатав яд внутри корня.

Метнулась в дом и схватила свой мешочек с инструментами. Перчаток у меня не было, пришлось оторвать широкую полосу ткани от подола нижнего платья и обмотать руки, предварительно пропитав ткань защитным составом из фляги – смесью крепкого рисового уксуса и горькой полыни. Вернулась к грядке. Работать нужно было быстро, пока не стемнело.

Используя маленький нож, я осторожно подрезала землю вокруг черного стебля. Растение чувствовало угрозу. Бутон начал подрагивать, и сладковатый запах усилился, отчего ци в моих меридианах тревожно дрогнула.

– Тихо… тихо… – шептала я, как успокаивают злую собаку. – Я не враг. Спи.

Мне пришлось использовать ци, что было самым сложным. Браслеты затормаживали поток, и мне приходилось буквально продавливать силу через металл. Запястья горели огнем, кожа под железом, казалось, плавилась, но я терпела. Мне нужно создать тончайшую пленку на своих руках, чтобы яд не проник в поры.

Спустя половину стражи, мокрая от пота, несмотря на мороз, я вытащила растение. Корень напоминал уродливого младенца, скрюченного в муке. Он пульсировал в моих руках, источая злобу.

Быстро засунула растение в пустой кувшин из-под вина, который нашла в куче мусора во время уборки, и плотно заткнула горлышко тряпкой, залитой воском от огарка свечи. Затем прокусила палец и кровью нарисовала на кувшине простейшую печать подавления. Киновари у меня не было, но кровь алхимика тоже имеет силу. Все. Оно запечатано.

Я сидела на грязной земле, прижимая к груди кувшин. Мои руки дрожали от перенапряжения и духовного истощения. Браслеты пульсировали тупой болью. Кто-то очень могущественный хотел моей смерти. Кто-то знал, что я приеду, и подготовил «подарок». Это был не враг моего отца, а, скорее всего, враг Шан Гуаня, захотевший использовать меня как оружие.

Спрятала кувшин под прогнившими половицами в своей спальне, наложив сверху еще один барьер из остатков своих сил. Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая снег в багряные тона, я снова вышла на крыльцо. Тело ломило от усталости, но это была приятная усталость. Я выжила и обезвредила смертельную ловушку, заложенную под мой новый дом.

В воротах снова появился поднос. На этот раз там было немного вареного мяса и теплый травяной отвар. Взяла еду

и посмотрела в сторону главного дома. Крыши пагод золотились в лучах заката. Где-то там сидел Шан Гуань, верша судьбы Империи. Вероятно, он думал, что я плачу в подушку, проклиная свою судьбу. Ну и пусть думает.

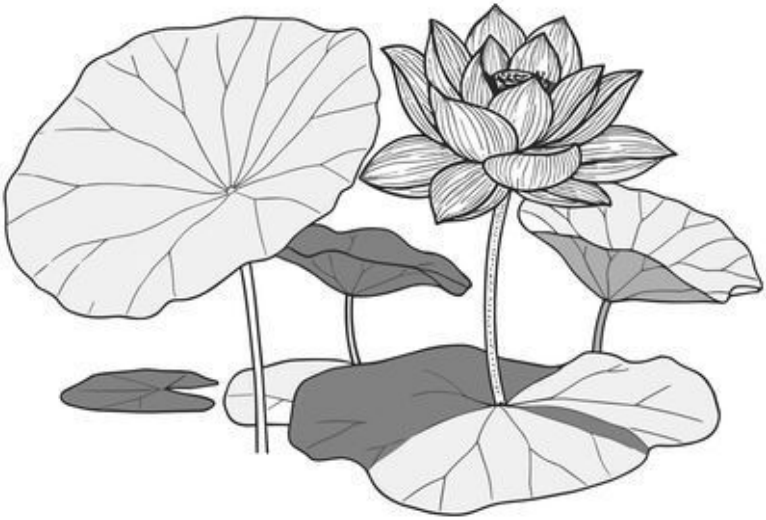
Отхлебнула горячего отвара, который был горьким, дешевым и предназначался для слуг, но мне он показался вкуснее императорского вина.

– Ты думаешь, что бросил меня в тюрьму, муж мой, – усмехнулась, глядя на далекий силуэт его дворца. – Но ты ошибся. Ты дал мне поле для практики и врага.

Достала из кармана маленький сморщенный плод дикой яблони, который нашла во время уборки сада. Он был сухим, почти мертвым. Я сжала его в ладони, направляя в него последнюю каплю своей силы. Истинное Зрение подсказало: где-то внутри еще теплится жизнь.

– Мы еще посмотрим, кто кого сломает, – прошептала я.

Ветер зашумел в ветвях бамбука, словно соглашаясь со мной. Первая партия была выиграна. Я нашла нить в клубке заговора, теперь осталось только потянуть за нее так, чтобы петля не затянулась на моей собственной шее.

Глава 3

Шан Гуань

Есть три вещи, которые ненавидит Небесный Судья: ложь, хаос и тошнотворный сладковатый запах паленой плоти демонов. Сегодня в моем рабочем покое на вершине Башни Вердиктов присутствовали две вещи из трех.

Я сидел за массивным столом из черного дерева, медленно массируя виски. Тупая и ритмичная боль пульсировала за глазами, словно невидимый кузнец методично вбивал в мой череп раскаленные гвозди. Это цена за то, что в хрупком и несовершенном человеческом теле течет наследие Ледяного Дракона. Моя сила была моим лучшим оружием и моим самым жестоким палачом.

Чем больше я использовал силу для поддержания барьеров и заморозки преступников, тем сильнее лед сковывал мои собственные меридианы. Он требовал выхода, крови или полного покоя, который я не мог себе позволить.

– Говори, – бросил я, не открывая глаз. Мой голос прозвучал глухо в огромном пустом зале, где единственным источником света были сферы, парящие под потолком.

Передо мной, дрожа всем телом так, что звенели пласти-

ны доспеха, стоял капитан речной стражи. От него пахло тиной, речным илом и липким животным страхом. Этот запах раздражал меня почти так же сильно, как и головная боль.

– Господин Небесный Судья… – начал он, заикаясь. – Мы… мы нашли еще троих. У излучины Белой Реки в рукаве Драконьего Зуба.

Я открыл глаза. Капитан дернулся, словно его ударили хлыстом, и попятился. Я знал, какое впечатление производят мои глаза во время приступа, ведь мой зрачок сужается в иглу, а радужка светлеет до цвета мертвой зимы, теряя все человеческое. В этот момент я видел капитана не как человека, а как сгусток живого тепла, пульсирующий паникой.

– Состояние тел? – спросил я, игнорируя его ужас.

– Такое же, как и у первых двух, найденных три дня назад, – прошептал стражник, уставившись в пол. – Они… они не просто мертвы, господин. Их духовные тела разорваны изнутри, словно с их каналами ци что-то произошло, заставив их биться в жуткой агонии и разрушать себя. Вода вокруг них была черной и вязкой, как смола.

Я медленно постучал пальцами по столу. Тук. Тук. Тук. Черное дерево отозвалось глухим тяжелым звуком. Пять речных духов за неделю. Духи воды – существа мирные, почти бесплотные. Они живут в потоке, избегая конфликтов. Убить их сложно, сталь проходит сквозь них, как сквозь туман. Чтобы уничтожить духа, нужно повредить его ядро, а чтобы заставить их уничтожить самих себя – это не просто

убийство, а темный ритуал. Или кто-то в моей столице испытывает новое оружие и делает это нагло, прямо у меня под носом.

– Следы яда? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Наши лекари ничего не нашли. Они говорят, это похоже на внезапное искажение ци.

– Внезапное искажение у пяти духов в разных частях реки за семь дней? – Я усмехнулся, и воздух в зале похолодел, стены подернулись инеем. На бронзовой чернильнице появилась тонкая ледяная вязь. – Ты держишь меня за идиота, капитан? Или ты покрываешь свою никчемность?

Тот упал на колени, ударившись лбом о каменный пол. Звук удара эхом отразился от высоких сводов.

– Никак нет! Господин Судья, помилуйте! Мы обыскали все дно. Мы просеяли ил через зачарованные сита. Мы нашли только… вот это.

Он дрожащей рукой вытащил из-за пазухи сверток из промасленной ткани и протянул его мне, не смея поднять головы. Я не стал касаться его руками, лишь шевельнул пальцем, направляя поток ци, отчего сверток взлетел в воздух, ткань развернулась, открывая содержимое.

Это оказался лоскут красного шелка. Дорогого, плотного, расшитого золотой нитью. Узор был сложным – хвост феникса, исчезающий в облаках. Ткань пропиталась водой и грязью, но даже грязь не могла скрыть ее благородного происхождения.

И запах. Едва уловимый, скрытый за ароматом речной тины, но мой нюх, обостренный драконьей кровью, не мог ошибиться. Сладкий, приторный, как гнилой миндаль или перезревшие персики, забытые на солнце. Мои ноздри раздулись. Я знал этот запах. Это был запах алхимии. Запретной, грязной алхимии, которая искажает природу вещей.

– Откуда это? – спросил я.

– С куста ивы, нависшего над водой, – пролепетал капитан. – Прямо над тем местом, где нашли последнее тело. Свидетель… один из старых карпов, который успел спрятаться в иле… он сказал, что видел…

– Что он видел?

– Женщину, господин. Вчера, на закате. Она стояла на берегу в красном свадебном платье и что-то сыпала в воду. Карп сказал, что она была прекрасна, как демон, и смеялась, когда вода чернела.

Я откинулся на спинку жесткого стула, чувствуя, как гнев смешивается с ледяной болью в голове. Вчера на закате, свадебное платье, женщина, которая смеется, убивая. Острая, как лезвие меча, мысль тут же метнулась к единственному человеку в моем доме, который подходил под это описание.

Лин Юэ, дочь Лин Чжэна, человека, который написал трактат «О ста восьми способах незаметного разрушения ядра с помощью трав» и коего я лично едва не отправил на плаху за опыты с запретными снадобьями в Нижнем городе. Я пощадил его жизнь только из-за старого долга крови моего

деда роду Лин, сковавшего меня. И теперь этот долг привел в мой дом его дочь.

Вчера она ехала в моем паланкине в красном свадебном платье. Путь проходил вдоль реки. Могла ли она остановить процессию? Выйти? Совершить ритуал, пока слуги отвернулись? Или это была не она?

Посмотрел на лоскут ткани, парящий в воздухе. Слишком очевидно. Слишком… театрально, словно кто-то специально повесил этот флаг, чтобы я его нашел. Но с другой стороны, клан Лин никогда не отличался тонкостью ума. Их наглость граничила с глупостью.

– Убирайся, – тихо приказал я стражнику. Он замер, не веря своему счастью. – Усилить патрули. Если найдете еще хоть один лоскут или тело, докладывать мне лично. Вон.

Капитан вылетел из служебного покоя, словно за ним гнались демоны Бездны. Двери захлопнулись, возвращая тишину, и я остался один. Сверток с шелком мягко опустился на стол.

Я встал и подошел к окну. С высоты Башни Вердиктов столица казалась игрушечным городом, расчерченным прямыми линиями улиц. Внизу кипела жизнь, люди спешили по своим делам, не подозревая, что в их реках зреет смерть. А прямо подо мной, в сердце моей собственной крепости, в Бамбуковом Павильоне сидела моя новая жена – Лин Юэ.

Я вспомнил нашу встречу. Ее покорный поклон, ее тихий голос: «Я здесь, чтобы искупить его вину». Вчера я видел в

ней лишь забитую и бесполезную серую мышь, но теперь… Если она действительно способна отравить реку в день собственной свадьбы, значит, я недооценил, насколько глубоко гниль проникла в ее кровь.

Боль в висках усилилась, заставляя зашипеть сквозь зубы. Я вернулся к столу, открыл ящик, достал пузырек из белого нефрита, вытряхнул на ладонь две ледяные пилюли, средоточие чистой инь-ци, и проглотил, не запивая. Холод разлился по нутру, немного притупляя ледяные тиски боли в голове, но не убирая их полностью. Мое ядро жаждало медитации, требовало уйти в ледяные пещеры под резиденцией, но у меня не было на это времени. В дверь тихо постучали три раза.

– Войди, – разрешил я.

Появился управляющий Чэнь. Старый лис двигался бесшумно, его лицо было непроницаемой маской вежливости. Он был со мной с тех пор, как я принял пост Судьи, и оставался единственным, кого я мог терпеть рядом в моменты слабости. Он видел меня, когда я выл от боли трансформации, и он же подавал мне парадный халат на следующее утро.

– Отчет о делах поместья, господин. – Он положил стопку свитков на край стола. – Расходы на кухню, закупка угля, ремонт восточной стены…

– Оставь это. – Я махнул рукой, прерывая перечисление. – Что делает наша… гостья?

Чэнь замер, едва заметно поправив рукав.

– Госпожа Лин?

– У меня есть другие гости? – Я бросил на него острый взгляд. – Перестань юлить, Чэнь. Я отправил ее в Бамбуковый Павильон, в эту дыру, где гуляет ветер. Она рыдала? Требовала шелковые простыни? Пыталась подкупить стражу, чтобы отправить письмо папочке с жалобой на жестокого мужа?

Я ждал именно этого. Избалованная дочь богатого торговца, привыкшая к роскоши, внезапно оказавшаяся в ссылке. Обычно такие ломаются в первый же день. Начинают истерить, угрожать самоубийством или пытаются соблазнить меня или слуг, чтобы улучшить свое положение.

– Нет, господин. – Чэнь кашлянул в кулак. – Она убиралась.

– Что делала? – Я замер, не донеся руку до виска.

– Убиралась, – повторил Чэнь, и в его голосе промелькнула нотка странного, несвойственного ему уважения, что мне сразу не понравилось. – Она вымела весь павильон и отмыла полы ледяной водой из колодца, сама, без слуг, а потом полдня провела в саду.

– Ищет тайники? – Подозрение вспыхнуло мгновенно. Сад в Бамбуковом Павильоне заброшен, но земля там старая. Клан Лин всегда интересовался землей.

– Не похоже, господин. Стража докладывает, что она просто возилась в грязи. Рыхлила землю у старой сливы и полола сорняки в дальнем углу.

– Полола сорняки зимой? – Я прищурился.

– Она странная, господин. Она не жаловалась на еду, съела все, что принесли, простую кашу и мясо для слуг. Не пыталась заговорить со стражей у ворот. И… – Чэнь замялся.

– Что?

– Она выглядит спокойной. Слишком спокойной для девушки, которую бросили в неотапливаемый дом в брачную ночь. В ней нет страха.

Я нахмурился, это не укладывалось в картину моих представлений о ней. Либо Лин Юэ была святой, в чем я сильно сомневался, зная ее гнилую породу, либо оказалась невероятно хитрой лицедейкой[3]. Полола сорняки… Уж не закапывала ли она что-то? Или выкапывала? Я взял со стола лоскут красного шелка и повертел его в пальцах.

– Это маска, – сказал твердо, больше убеждая себя, чем управляющего. – Она знает, что я слежу, поэтому хочет усыпить мою бдительность, притворившись покорной и неприхотливой овечкой. Отец научил ее терпению, а пока она изображает добродетель, ее сообщники травят мои реки.

– Сообщники, господин?

– Речной страж принес улику. Свидетели видели женщину в свадебном платье у реки.

– Вы думаете, это госпожа Лин? – Глаза Чэня расширились. – Но она была в паланкине…

– Паланкин – это коробка с занавесками, Чэнь. Из него

[3] *Лицедей* – актер или притворщик.

можно выйти. Или в него можно посадить куклу. – Я резко поднялся из-за стола, стул с грохотом отъехал назад. – Не смей испытывать к ней жалость, старик. Ты забыл, кто она? Ее отец отравил сотни людей. Яблоко от яблони недалеко падает, а если падает, то катится в ту же яму.

Подошел к окну. Вид на заснеженный сад обычно успокаивал меня, но сейчас он вызывал лишь раздражение. Где-то там, на краю обрыва, горел слабый, едва заметный огонек в окне Бамбукового Павильона.

– Усилить наблюдение за ней, – приказал я, глядя на этот огонек, как хищник смотрит на добычу. – Никого не впускать и не выпускать. Проверять каждую вещь, которую приносят или уносят. Если она сорвет хоть травинку и попытается высушить ее – докладывать мне. Я не позволю ей варить здесь свои зелья.

– Слушаюсь, господин.

– И еще. – Обернулся, и мой плащ взметнулся, как крыло. – Завтра я уезжаю на расследование к Белой Реке. Меня не будет два дня.

– Оставить охрану у ее павильона?

– Удвоить. И поставь барьер Пяти Громов, пресекающий любой шаг за черту. Если она попытается покинуть пределы павильона – пусть он ударит ее молнией. Не насмерть, но так, чтобы она запомнила этот урок на всю жизнь.

Чэнь поклонился, но я заметил тень неодобрения в его глазах. Старик становился слишком сентиментальным с воз-

растом. Как бы самому барьер ставить не пришлось. Нет, я лучше сам поставлю.

– Ступай.

Когда тяжелая дверь за ним закрылась, я снова посмотрел на лоскут ткани на столе. Сладкий запах миндаля дразнил ноздри, вызывая тошноту.

Чутье, которое никогда меня не подводило, кричало, что связь есть. Я чувствовал, как нити судьбы сплетаются в тугой, удушающий узел. Жена-алхимик в моем доме, мертвые духи в реке, свидетель, видевший невесту, и эта странная, неестественная покорность Лин Юэ.

Она что-то скрывает, я чувствовал это кожей. В ее потоках ци вчера, когда я схватил ее за подбородок, не было страха, присущего жертве. Там была тонкая, скрытая глубоко внутри игла. Она сказала: «Тени видят все, что скрыто от света». Или я это придумал? Нет, она молчала, когда уходила, но ее взгляд говорил именно это.

Сжал кулак, и воздух вокруг моей руки затрещал, превращаясь в ледяную крошку. Снежинки закружились в комнате, оседая на моих плечах.

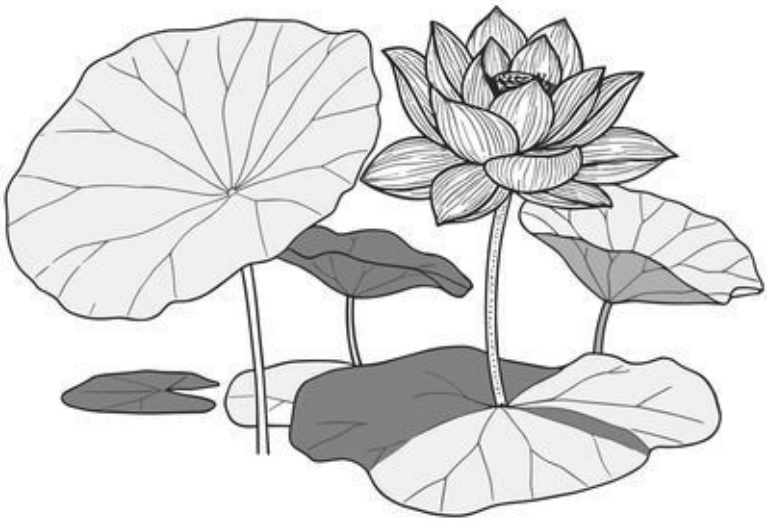
– Играй свою роль, Лин Юэ, – прошептал я в пустоту служебного покоя. – Убирайся, сажай цветы, изображай добродетель. Но однажды ты оступишься, и тогда я буду рядом, чтобы вынести приговор.

Головная боль вспыхнула с новой силой, заставляя меня зашипеть. Чертово наследие! Чертова магия! Мне нужно

спуститься в подземелье, в ледяные пещеры, чтобы помедитировать и усмирить кипящую кровь, иначе я заморожу этот дом вместе со всеми обитателями.

Но перед этим я снова бросил взгляд на огонек вдалеке. Почему-то меня злило не то, что Лин Юэ может быть убийцей, а то, что она не сломалась. Я хотел увидеть ее слезы, чтобы убедиться в ее ничтожности и выкинуть из головы, но она стояла прямо, как бамбук под снегом.

Погасил свечи взмахом руки и вышел во тьму коридоров. Мой дом был моей крепостью, и я собирался вычистить из него любую заразу, будь то яд в реке или жена в моем саду.

Глава 4

Три дня я провела в заточении. Управляющий Чэнь не лгал, и Шан Гуань не бросал слов на ветер. Вокруг моего Бамбукового Павильона возвели барьер. Я видела своими глазами, как воздух сгустился, превращаясь в мерцающую полупрозрачную стену из лазурной энергии. Она гудела, как растревоженный улей диких пчел, стоило только подойти ближе чем на три чжана.

Барьер Пяти Громов. Грубая, но действенная работа. Силовая техника, рассчитанная на то, чтобы испепелить любого, кто попытается прорваться силой. Если я рискну просто перешагнуть границу, меня ударит разрядом такой мощи, что я, возможно, и не умру (браслеты защищали жизнь носителя, чтобы продлить его мучения), но буду валяться без сознания несколько дней, дымясь, как подгоревшая утка.

Но у любого замка есть скважина, а у любой магической печати – «Глаз», точка, где потоки ци сходятся и переплетаются в единый узел.

Я сидела на ступенях крыльца, кутаясь в старую шерстяную накидку, найденную в сундуке, и смотрела на барьер, глаза жгло от напряжения, Истинное Зрение работало на пределе возможностей, просвечивая структуру плетения.

– Ты был зол, когда ставил его, муж мой, – прошептала я, наблюдая за пульсацией энергии. – Твой гнев сделал стену

крепкой, но негибкой.

В плетении заклинания были крошечные, незаметные для обычного мастера, но очевидные для меня прорехи. Шан Гуань был силен, невероятно силен, его ци напоминала лавину. Но когда сходит лавина, она ломает деревья, оставляя между нагромождением стволов пустоты. Он строил стены из гранита, не заботясь о том, что между камнями остаются щели для ветра.

Я должна выйти. За эти дни я изучила каждый цунь своего двора, каждый камень, каждую травинку. Я выполола все сорняки, подрезала ветви старой сливы, привела дом в жилой вид, но ответы на мои вопросы лежали за пределами этого ледяного круга.

Кувшин с Теневым Первоцветом все еще был спрятан под полом моей спальни, и его присутствие жгло мне ноги сквозь доски, как раскаленный уголь. Растение спало под моей печатью, но я чувствовала его злобную, бьющуюся, живую ци. Мне нужно знать, откуда она взялась и как ее уничтожить окончательно, не отравив при этом половину поместья. А также необходимо попасть в библиотеку.

В доме моего отца библиотека была скудной, только рецепты ядов, торговые книги и пара трактатов о пользе сыновьей почтительности. Но Облачная Резиденция… Говорили, что в библиотеке Небесного Судьи, в Павильоне Небесных Свитков, хранятся архивы за триста лет. Там должны быть записи о поставках редких растений, отчеты об изъятых у

темных культов запрещенных вещах и, возможно, упоминания о том, кто в столице балуется запретным травоведением.

Встала, отряхнула юбку и подошла к барьеру. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь гулким эхом в ушах. Размышления – это одно, действие – совсем другое. Если я ошибусь в расчетах хоть на толщину волоса, меня поджарит.

– Вдох, – скомандовала я себе. – Выдох.

Мир превратился в узоры. Я увидела синюю нить, которая вибрировала чуть медленнее остальных. Вот оно, слабое звено. Разрыв в ритме, вызванный, вероятно, тем, что в момент создания печати у Шан Гуаня болела голова, ведь он морщился в Зале Суда.

Подняла руку, браслеты на запястьях тут же потяжелели, реагируя на намерение использовать ци. Они впились в кость, посылая волны холода вверх по рукам, пытаясь заморозить мои каналы.

– Терпи, – прошипела я сквозь зубы.

Сосредоточила крохи своей духовной ци на кончиках пальцев и мягко и осторожно раздвинула нити, как раздвигают шторы, чтобы подсмотреть в окно. Барьер зашипел, искры посыпались на снег, запахло надвигающейся грозой, но удара молнии не последовало. Образовалась узкая, но достаточная щель, чтобы проскользнуть боком.

Шагнула вперед, волоски на руках встали дыбом от разлитой в воздухе силы молнии. Кожу покалывало, словно тысячи муравьев бежали по телу. Шаг. Еще шаг. Барьер сопро-

тивлялся. Он был вязким, плотным, как вода на глубине. Я чувствовала волю Шан Гуаня в каждом цуне пространства. «Стой. Не смей двигаться. Знай свое место».

Стиснула зубы, сделала последний рывок и оказалась снаружи. Барьер сомкнулся за моей спиной, но не до конца. Я выдохнула облачко пара, опираясь руками о колени. Меня трясло от напряжения.

Я сделала это. Я обманула технику Ледяного Дракона. Ощущение торжества смешивалось с липким, холодным страхом. Теперь я нарушительница, беглянка в собственном доме. Если меня поймает стража, они не станут разбираться, кто я – жена или воровка. Меня притащат к нему, и тогда…

– Просто не попадайся, – сказала я себе, поплотнее запахивая накидку.

Я выбрала время, когда слуги меняются сменами в час Козы[4], когда солнце стоит в зените и тени самые короткие. Двигалась перебежками, прячась за колоннами галерей и причудливыми скалами сада. Облачная Резиденция была огромной, лабиринт из переходов, мостиков и павильонов. Но я знала, куда идти. Высокая башня с крышей в виде раскрытой книги возвышалась над восточным крылом. Павильон Небесных Свитков.

К моему удивлению, стражи у входа не было. Видимо, Шан Гуань полагал, что никто в здравом уме не пойдет воровать книги, когда в сокровищнице полно золота и артефак-

[4] Час Козы – между 13:00 и 15:00.

тов. Или же он считал, что защита самого поместья достаточно надежна, чтобы остановить любого внешнего врага, а о внутреннем враге он не подумал.

Я толкнула тяжелую дверь из сандалового дерева, которая бесшумно открылась. Внутри царил полумрак и тот самый запах, который я любила больше всего на свете, – запах чернил, сухой бумаги, кожи и вековой мудрости. Запах, который в доме моего отца был заглушен ароматом денег и ядов.

Зал был огромен. Полки из темного дерева уходили вверх на десятки чжанов, теряясь в темноте сводов. Вдоль стен висели артефакты, дающие мягкий, рассеянный свет, не вредящий старым свиткам. Здесь было тихо, только где-то вдалеке капала вода в клепсидру[5], отмеряя время. Кап. Кап. Кап. У меня было не больше стражи до того, как кто-нибудь заметит мое отсутствие.

Я не стала терять ни мгновения и прошла мимо рядов с законами и историей династий. Мне нужен был раздел трактатов о природе вещей и списки изъятых вещей. Я бродила между стеллажами, скользя пальцами по корешкам книг, читая названия: «Растения Северных Болот», «Трактат о Ледяных Лотосах», «Яды и противоядия клана Цзин», «Бестиарий Северных Пустошей»… Библиотека Шан Гуаня была сокровищницей. Здесь хранились книги, которые считались утерянными. Книги, за которые мой отец мог убить.

Наконец на одной из верхних полок в ряде «Запретные

[5] Древние водяные часы.

знания», защищенной слабой печатью от пыли, я нашла то, что искала. Старый потрепанный свиток из кожи неизвестного зверя: «Редкие и проклятые виды растений Эпохи Хаоса». Взяла его, чувствуя, как дрожат руки. Печать легко поддалась моему прикосновению, ведь она была рассчитана на то, чтобы отпугнуть слуг, а не мастера.

Развернула свиток на ближайшем столе. Вот оно. Рисунок, выполненный тушью с пугающей точностью, черный стебель, извивающийся как змея, фиолетовые прожилки на листьях, бутон, похожий на глаз. «Теневой Первоцвет. Произрастает в местах массовых казней или битв, где земля пропитана кровью практиков и страхом смерти. Используется темными культами для создания Эликсира Хаоса и яда Холодного Огня. Полностью уничтожен в Империи указом от 45 года правления династии Цинь…» Уничтожен. Как же. Хах.

Я жадно читала описание свойств, водя пальцем по строкам: «…вызывает искажение ци, которое невозможно отследить обычными способами. Жертва теряет контроль над потоками, каналы ци воспаляются, провоцируя неуправляемые и опасные выбросы силы, а затем ее духовное ядро взрывается, высвобождая накопленную энергию в разрушительной вспышке».

И приписка на полях, сделанная чьим-то острым, летящим почерком: «Яд действует в три этапа. Первый: иллюзия невероятной легкости и ложное очищение меридианов.

Второй: ледяной озноб, тело отвергает собственную ци, пока внутренние органы сжигает скрытый жар. Третий: распад. Ни в коем случае не использовать согревающие эликсиры на второй стадии! Огонь ян ускоряет распад в десять раз».

Я похолодела. Это подтверждало мои догадки. Тот, кто посадил эту дрянь у меня в саду, готовил идеальное убийство. Если бы Шан Гуань вдохнул пыльцу, то почувствовал бы озноб. Лекари дали бы ему согревающее, и Ледяной Дракон взорвался бы, уничтожив половину столицы.

Внезапно я услышала звук, от которого кровь застыла в жилах. Скрип двери и тяжелые уверенные шаги, отдающиеся эхом под сводами библиотеки. Бежать было некуда, я находилась в тупиковом проходе между рядами в самом дальнем углу. Попыталась свернуть свиток, но руки предательски дрогнули, и пергамент с сухим шелестом криво свернулся сам. Шаги медленно и неотвратимо приближались.

– Я думал, крысы предпочитают амбары, а не библиотеки, – раздался холодный и спокойный, как поверхность замерзшего озера, голос.

Медленно обернулась, пряча свиток за спину. Шан Гуань стоял в проходе, загораживая собой свет. Он был одет в дорожный плащ, подбитый темным мехом, на плечах еще лежал нерастаявший снег. Его лицо было непроницаемым, как маска, но в глазах плясали опасные огоньки.

– Как ты вышла? – спросил он тихо. Слишком тихо. Я выпрямилась, вздернув подбородок. Лгать бессмысленно, от-

рицать очевидное глупо. Он видел меня насквозь.

– Через дверь, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя колени подгибались.

Шан Гуань сделал шаг вперед. Воздух вокруг него сгустился и резко похолодел, иней пополз по книжным полкам.

– Барьер, который я установил, должен был удержать мастера стадии Золотого Ядра. У тебя едва сформирована Основа, и твои каналы перекрыты браслетами. И все же ты здесь.

Он подошел вплотную, и я почувствовала запах морозного ветра, крови и сандала, исходящий от него. Шан Гуань огромной подавляющей горой нависал надо мной.

– Ты использовала артефакт? Талисман, который дал тебе отец? – Он протянул руку, требуя ответа. – Отдай мне то, что ты прячешь.

– У меня ничего нет, – покачала головой. – Барьер… был несовершенен. Я просто нашла путь.

– Несовершенен? – Его брови поползли вверх. Это было бы смешно, если бы не было так страшно. Великий Судья оскорбился за свою магию. – Ты смеешь утверждать, что моя техника имеет изъяны? Девчонка, которая даже меч держать не умеет?

– У всего есть изъяны, господин, – парировала я, глядя ему в глаза. – Даже у Небесного Закона. В вашем плетении был изъян в потоке Огня. Вероятно, вы были утомлены или раздражены, когда создавали его. Чувства влияют на узор ци.

Гнев делает плетение жестким, но хрупким.

Шан Гуань молчал, глядя на меня сверху вниз. В его глазах читалось недоверие, смешанное с оцепенением. Никто никогда не смел судить его духовное мастерство.

Внезапно он жестко перехватил мое запястье, но не заламывая руку. Его пальцы легли на мой пульс. Ледяная волна его ци ворвалась в мое тело, проверяя меридианы, ища скрытые артефакты или следы чужой магии. Это было больно и унизительно, словно обыск изнутри. Я вскрикнула, пытаясь вырваться, но он держал крепко.

– Чисто, – пробормотал он, отпуская мою руку. На его лице отразилось искреннее недоумение. – Никаких артефактов. Твое ядро слабое. Как ты могла увидеть узор потока?

– У меня… высокая чувствительность к теплу, – соврала я, отведя глаза. Я не могла рассказать ему про Истинное Зрение. Не сейчас точно. Он решит, что я опасна, и вырежет мне глаза. – Я почувствовала, где стена холоднее.

Он сузил глаза, явно не веря, но не имея доказательств обратного. Затем его взгляд упал на свиток, который я все еще сжимала за спиной.

– Что это? – Он вырвал пергамент из моих пальцев раньше, чем я успела среагировать. – «Запрещенные виды растений»… – Его лицо потемнело. Он отшвырнул свиток на ближайший стол, словно тот был ядовитой змеей. – Я так и знал. Ты ищешь способы восстановить рецепты своего отца? Или ищешь что-то, чтобы отравить меня, раз уж я не умер

от скуки в твоем обществе?

– Я ищу знания! – воскликнула я.

– Знания – это оружие, Лин Юэ, и в твоих руках оно опасно. – Он наклонился ко мне, опираясь руками о полки по обе стороны от моей головы, запирая меня в ловушку. Его дыхание коснулось моей щеки. – Зачем ты здесь на самом деле? Следишь? Ищешь грязные тайны о Палате Правосудия?

Я смотрела в его серые драконьи глаза и видела в них не только гнев, но и глубокую застарелую усталость человека, который несет на плечах небо и ждет удара в спину.

И тут мой взгляд скользнул за его плечо на стол, где он, видимо, работал до моего прихода (или просто забыл бумаги здесь. А скорее всего отлучился, и в это время я пришла в библиотеку). Там лежали раскрытые отчеты, карты рек, схемы потоков ци. И один свиток, исписанный красной тушью. Карта течений Белой Реки.

Мое Истинное Зрение сработало моментально. Я увидела разлад. Потоки силы на карте были нарисованы красным, но я знала, что настоящая ци воды в этой местности течет иначе. Рисунок противоречил природе.

– Вы ошибаетесь, – сказала я.

– Что? – Он опешил, отстраняясь. – Я ошибаюсь в том, что ты дочь преступника?

– Нет. Вы неверно поняли путь подземной жилы воды. – Я кивнула в сторону стола за его спиной.

Шан Гуань замер. Он медленно обернулся, проследив за

моим взглядом, потом снова посмотрел на меня как на умалишенную.

– О чем ты говоришь? Ты даже не читала этот отчет.

– Заголовок написан достаточно крупно: «Гибель речных духов». И я вижу пометки в углах: «спонтанный разрыв ядра» и «почернение воды», – ответила я, осмелев. – Это не проклятие и не болезнь, а явные признаки отравления. Вы рассчитываете распространение яда, основываясь на скорости течения воды летом, но вы не учли духовную плотность в этот сезон.

– Духовную плотность? – переспросил он с недоверием.

– Сейчас зима, господин Шан. Подземные воды насыщены инь-ци. Вода становится вязкой для духовных техник, скорость распространения любой примеси будет в три раза ниже, но густота – выше. Яд не ушел вниз по течению, как вы думаете. Он осел на дно гораздо ближе к источнику.

Шан Гуань молчал. Он отошел от меня к столу и взял свиток. Его глаза бегали по строкам, вычисляя и проверяя мои слова. Время тянулось вечность. Я слышала, как бьется мое сердце, ударяясь о ребра. Если я ошиблась…

– Вязкость водной ци… – пробормотал он себе под нос.

Шан Гуань схватил кисть и быстро что-то пересчитал, и тут его рука замерла. Он медленно повернулся ко мне. В его глазах больше не было того ледяного презрения, только настороженность и интерес. Хищный интерес ученого, нашедшего нового, неизвестного зверя.

– Откуда ты знаешь о вязкости водной ци? – спросил он. – Твой отец – аптекарь-шарлатан, а не знаток потоков ци. В его книгах о таком не пишут.

– Чтобы сварить качественное противоядие, нужно понимать, как яд движется в крови, – ответила я, не отводя взгляда. – Реки Земли похожи на вены человека, правила одни и те же. Если вы будете искать источник яда там, где указано в этом отчете, в ста ли от города, то найдете только пустую воду. Источник гораздо ближе к стенам столицы, возможно, прямо под ними.

Шан Гуань смотрел на меня так, словно мебель вдруг заговорила и начала цитировать великих поэтов и философов.

– Ты понимаешь, что если ты лжешь, чтобы запутать следствие и отвести подозрения от своего клана… – начал он угрожающе, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

– Я не лгу, проверьте сами. – Сделала шаг вперед, выходя из тени полок. – Вы Небесный Судья и видите ложь. Посмотрите на меня. Я лгу?

Он сузил глаза. Его зрачки снова стали вертикальными. Я почувствовала, как его аура коснулась моей, проверяя и пробуя на вкус. Это было интимно и страшно, словно ледяной ветер прошел сквозь душу, выворачивая наизнанку все потайные карманы. Я не сопротивлялась. Открыла разум, позволяя ему увидеть мою уверенность. Остальное я спрятала.

– Нет, – наконец произнес он, моргнув и возвращая чело-

веческий вид глазам. – Ты веришь в то, что говоришь.

Он бросил кисть на стол. Чернильная капля растеклась по карте, как черная кровь.

– Ты нарушила мой прямой приказ. И ты взломала мой барьер. Не знаю как, но я выясню. А также ты проникла в закрытые ряды библиотеки. За это полагается наказание плетьми или заключение в тюрьму.

Я сжала руки в кулаки, пряча их в широких рукавах. Браслеты пульсировали, предчувствуя беду.

– Но, – продолжил Шан Гуань, и тон его голоса изменился, став задумчивым, – ты нашла ошибку, которую пропустили три моих лучших следопыта. Ошибку, которая могла стоить мне месяца поисков впустую и новых жертв. – Он подошел ко мне. Теперь от него не исходила угроза, он скорее изучал. – Кто ты такая, Лин Юэ? Бесполезная дочь, которую отдали в уплату долга? Или что-то другое?

– Я та, кто хочет выжить, – ответила честно. – И та, кто не хочет, чтобы ее мужа убили неизвестным ядом, потому что тогда меня обвинят в соучастии и казнят.

Едва заметно уголок его губ дрогнул. Это не выглядело улыбкой, но это было первое человеческое выражение на его лице за все время нашего знакомства.

– Разумное своеволие. Это я могу понять. Это надежнее, чем пустая покорность или притворная преданность. – Он взял со стола свиток о запрещенных растениях, который ранее отшвырнул, и протянул мне. – Забирай и уходи.

Моргнула, не веря своим ушам. Я ожидала удара, приказа страже, новой порции унижений, но ничего из этого не последовало.

– Вы… вы не накажете меня?

– Я сказал: уходи, пока я не передумал. – Он отвернулся к столу, снова погружаясь в работу. – Но, Лин Юэ… – Я замерла у двери, сжимая свиток как щит. – Если ты еще раз выйдешь из павильона без разрешения, я поставлю такой барьер, который не сможет взломать даже сам Император. И не надейся на мою усталость или головную боль. Я лично закую этот дом в вечный лед.

– Поняла, – тихо ответила я.

– И еще. – Он не оборачивался. – Если в будущем ты снова увидишь ошибку в моих свитках… говори мне об этом сразу, а не жди, пока я поймаю тебя на месте преступления.

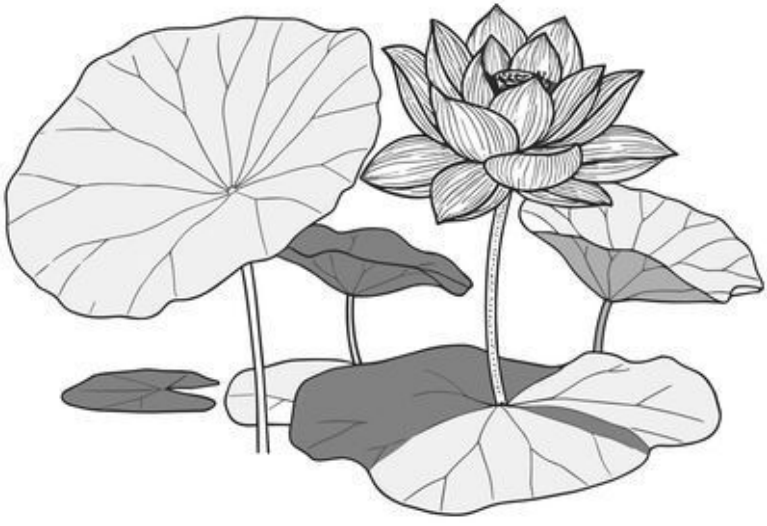
– Я учту. – Поклонилась и вышла из библиотеки, прижимая к груди свиток. Ноги были ватными, спина взмокла от холодного пота.

Я прошла через двор, проскользнула обратно через все еще существующую щель в барьере. Шан Гуань мог бы захлопнуть эту ловушку одним движением мысли, даже находясь в башне, но он позволил мне вернуться.

Рухнула на ступени своего павильона. Я была жива и, кажется, только что выиграла первое столкновение в игре с Ледяным Драконом. Он не признал меня равной, но перестал считать меня пустым местом. Теперь я была для него загад-

кой, а загадки Судья Шан Гуань, как и любой хищник с острым умом, любил больше всего на свете.

Развернула свиток. Теперь у меня есть знания. Я выяснила название яда и то, что мой муж достаточно умен, чтобы слушать доводы разума, даже если они исходят от врага. Это был призрачный, тонкий, как лезвие ножа, шанс исправить свое положение.

Глава 5

Свиток, который я украла… нет, одолжила ради общего блага, жег мне руки даже сквозь бумагу. Я сидела за низким столиком при свете единственной чадящей сальной свечи. Воск капал на столешницу, застывая уродливыми бурыми наплывами, похожими на запекшуюся кровь. В Бамбуковом Павильоне было холодно, ветер, усилившийся к ночи, выл в щелях стен, как голодный дух, требующий подношения.

Но меня знобило не от холода. Я вчитывалась в тусклые, местами стертые от времени иероглифы, описывающие свойства Теневого Первоцвета, и с каждой строчкой ледяной ком в моем желудке становился тяжелее.

«Яд действует в три этапа, – гласил древний текст, написанный рукой неизвестного мастера. – Первый: Ложное Очищение. Жертва чувствует небывалую легкость в теле, обманчивое ощущение кристально чистой энергии. Ци течет свободно, но это обманчивая свобода перед крахом. Второй: Ледяной Озноб. Тело начинает отвергать собственную ци, воспринимая ее как вражескую стихию. Меридианы сжимаются, вызывая ощущение смертельного холода».

Я перевела взгляд на следующую строку, и мои пальцы непроизвольно сжали край пергамента.

«Третий: Взрыв Ядра. Каналы не выдерживают напряже-

ния, превращаясь в труху, а духовная сила, сжатая до предела, вызывает всплеск, разрывающий плоть и душу носителя. Чем сильнее ядро, тем больше всплеск».

Но самое страшное было в приписке на полях, сделанной киноварью: «Предостережение! Ни в коем случае не использовать согревающие эликсиры или техники Огня на второй стадии. Яд маскируется под холод инь, но его природа – искаженный ян. Огонь лишь ускорит распад».

Посмотрела на пол, под которым, надежно укрытый моим барьером и запечатанный в кувшин, спал черный корень. Кто-то выращивал здесь смерть, и этот кто-то был очень терпелив и жесток.

Свернула свиток и спрятала его в рукав. Нужно попытаться уснуть. Завтра Шан Гуань может прийти с проверкой, и я должна выглядеть не как заговорщица, проведшая ночь над запретными текстами, а как покорная жена, смирившаяся со своей участью.

Погасила свечу, густая и плотная темнота мгновенно затопила покои. Я легла, натянув тонкое одеяло до самого подбородка. Брачные браслеты, напитавшись ночным холодом, обжигали запястья, напоминая о моем положении.

Снаружи завыл ветер, и вместе с ним до меня донеслись звуки, которых не должно быть в спящей резиденции Небесного Судьи. Крики, топот десятков ног, бегущих по обтесанному камню, и тревожный низкий гул сигнального гонга. Я резко села, сердце заполошно забилось, ударяясь о ребра.

– Что происходит?

Метнулась к окну, отодвигая бумажную створку. В главном дворе Облачной Резиденции, обычно погруженном в строгий, почти могильный полумрак, сейчас царил хаос. Полыхали факелы, их рыжее пламя металось на ветру, выхватывая из темноты фигурки людей. Десятки слуг бегали туда-сюда, как муравьи, чей дом разворошили палкой.

Стражники в лазурных доспехах Палаты Правосудия вошли через главные ворота. Они несли носилки, покрытые мокрой тканью. Там кто-то очень важный или очень опасный. Я прищурилась, направляя ци к глазам. Браслеты сопротивлялись, вызывая привычную боль, но я продавила энергию через заслон.

«Истинное Зрение. Открыть».

Расстояние было большим, не менее трехсот чжанов, но потоки жизни умирающего духовного существа невозможно спутать ни с чем. Она сияла слишком ярко на фоне ночи.

На носилках лежал не человек. Это был сгусток текучей, переливчатой энергии, похожей на речной поток, заключенный в форму. Дух воды. Вероятно, то существо, о гибели собратьев которого говорилось в отчетах на столе Шан Гуаня. Значит, это свидетель.

Но его аура казалась ужасающей. Она не была чистой и лазурной, как положено духу реки, а мерцала черно-фиолетовым светом, и эти болезненные всполохи были мне знакомы до тошноты. Они точь-в-точь повторяли узор на листьях

проклятой травы, спрятанной в моем подполе.

– Второй этап, – прошептала я, прижимая ладонь к холодному краю окна. – Ледяной Озноб.

Я видела, как вокруг носилок суетятся люди в ханьфу с золотой вышивкой на рукавах. Императорские лекари, мастера врачевания, приглашенные Судьей. Перевела взгляд на их руки. Их ауры полыхали ярко-красным и оранжевым.

Огонь. Они собирались использовать огненные техники или согревающие пилюли Солнечного Жара, чтобы спасти замерзающего духа. Они видели озноб и посиневшую кожу и действовали по предписаниям из трактатов: лечить холод теплом.

– Нет… – выдохнула я, и ужас сковал горло. – Не делайте этого. Вы убьете его!

Если они вольют в него энергию ян, он взорвется. Его ядро не выдержит противоборства сил. Он умрет в муках через несколько вдохов, и тайна смертей в реке умрет вместе с ним. А Шан Гуань… Шан Гуань потеряет единственную нить к заговорщикам.

Я метнулась к двери, схватилась за ручку, готовая выбежать наружу. И замерла. «Если ты еще раз выйдешь из павильона без разрешения, я поставлю такой барьер, который не сможет взломать даже сам Император».

Слова Шан Гуаня, сказанные в библиотеке, звенели в ушах громче набата. Он не шутил. Он был в ярости, когда поймал меня в первый раз. Если я сейчас выбегу туда, рас-

трепанная, в исподнем, и начну кричать, что лучшие лекари Империи – идиоты, меня никто не послушает.

Я – дочь отравителя. Дочь человека, осужденного за подделку лекарств. Мое вмешательство расценят как попытку добить свидетеля. Шан Гуань казнит меня на месте или запрет в темнице до конца дней, и я никогда больше не увижу неба.

– Это не мое дело, – сказала себе, отпустила ручку двери и отступила назад. – Пусть делают свою работу. Я спасла себя, этого достаточно.

Но перед глазами стояло мерцающее черно-фиолетовое пятно ци духа. Он страдал, я чувствовала эхо его боли даже здесь. Его внутренности горели ледяным огнем, а его лечили пламенем. Если он умрет, виноваты окажутся лекари, но я буду знать, что могла помочь.

– Проклятье! – Ударила кулаком по стене и заметалась по комнате, как тигр в клетке. – Проклятая совесть! Думай, Лин Юэ. Думай. Ты не воин. Ты не герой. Ты алхимик.

Я не могла остановить лекарей и не могла прорваться к носилкам через кольцо стражи, но я могла дать им иное решение. Что-то, что заставит их остановиться. Или что-то, что спасет духа, даже если они ошибутся. Мне нужно средство, которое упорядочит ци, не нагревая ее. Поглотитель. Губка, что впитает яд и выведет его, прежде чем он доберется до ядра.

Бросилась к своему столу, где лежал мой скудный набор

приборов, и вытряхнула содержимое мешочка на столешницу. Что у меня есть? Сушеная мята, корень солодки, немного снежного лотоса (жалкие крохи, пыль на дне мешочка) и… уголь. Обычный бамбуковый уголь, который я наскребла из печи, надеясь использовать для очищения воды. Бамбуковый уголь – отличный поглотитель ядов, но сам по себе он слаб, его нужно очистить.

Я схватила ступку. Мне нужна жидкая основа, насыщенная инь, чтобы дух воды принял лекарство как родное. Взгляд упал на кувшин с водой. Вода здесь, в горах, была хорошей, но стоялой. Этого мало.

– Думай, думай…

Выбежала за порог, не заботясь о том, что я босиком. Снег обжег ступни. У забора пробивались молодые побеги зимнего бамбука. Зеленые упрямые ростки, выжившие под снегом. В самой их сердцевине текла жизнь, победившая мороз.

Упала на колени и ножом срезала три самых крепких побега. Вернувшись в дом, я начала работать. Мои руки двигались сами собой, повинуясь годами отточенным жестам. Растереть уголь в мельчайшую пыль, выжать прозрачный, пахнущий свежестью и морозом сок из бамбука и смешать. Получилась густая черная паста, которая выглядела отвратительно и пахла землей.

– Этого мало, – пробормотала я, кусая губы. – Это лишь замедлит распад. Нужно что-то, что свяжет ингредиенты воедино. Связующее звено между мертвым углем и живым со-

ком.

У меня не было духовного клея, не было меда диких пчел и даже алхимического масла. Была только я сама. Взяла нож и не колеблясь полоснула по подушечке большого пальца. Три капли крови упали в ступку. Алая кровь клана Лин, насыщенная природной ци травников.

Смесь зашипела, черная паста на мгновение вспыхнула багровым, а затем стала плотной. Я быстро скатала из нее три неровные уродливые пилюли размером с ноготь – Пилюли Черного Снега. Примитивная грубая алхимия, созданная из мусора и крови, но это было единственное, что могло спасти духа. Теперь как их передать?

Я услышала тяжелые торопливые шаги на тропинке, ведущей к моему павильону. Кто-то тяжело, с хрипом, ломая наст, бежал. Приоткрыла дверь. В свете луны я увидела управляющего Чэня. Старик, обычно невозмутимый, как скала, сейчас выглядел растрепанным. Он бежал к старому колодцу, который находился у границы моего двора. В руках он сжимал ведро.

Я поняла. Лекарям срочно понадобилась мертвая вода из глубинного источника, не тронутая солнечным светом, чтобы развести свои огненные порошки. А ближайший такой колодец находился здесь, в заброшенной части поместья. Это был мой единственный шанс. Я накинула накидку, скрывая лицо, схватила пилюли и выбежала на снег.

– Дядя Чэнь! – окликнула я его, стараясь перекричать

ветер. Старик вздрогнул, едва не выронив ведро. Он резко обернулся, щурясь в темноту.

– Госпожа Лин? – Его голос дрожал от напряжения. – Вернитесь в дом! Немедленно! Сейчас не до вас. В поместье беда…

– Я знаю, – быстро сказала я, подходя вплотную к мерцающей стене барьера. Она гудела, чувствуя мою близость. Воздух пах грозой. – Я вижу потоки жизни, – продолжила я, глядя ему в глаза. – Это речной дух, верно? И его лечат огнем.

– Откуда вы… – Чэнь замер, держась за край колодца.

– Неважно. Слушайте меня внимательно. Вы несете воду для лекарей, они хотят дать ему Солнечный Жар или настойку огненного корня.

– Да, – кивнул Чэнь, растерянно моргая. – Дух замерзает, он весь посинел, его трясет. Главный врачеватель Вэй сказал, ему нужно тепло…

– Нет! – почти крикнула я, но тут же понизила голос, оглядываясь. – Тепло убьет его. Это яд-обманка. Он маскируется под холод, но внутри сжигает меридианы. Если дать духу огонь, его ядро взорвется, как сосуд с кипящим маслом.

Чэнь смотрел на меня с сомнением. В его старых глазах читалось: «Что может знать эта девчонка, дочь шарлатана, чего не знают великие врачеватели Академии?» Время уходило. Я видела, как аура духа вдалеке начинает пульсировать быстрее. Роковой момент приближался.

– Возьмите это. – Я раскрыла ладонь. На ней лежали три черных шарика.

– Что это? – Чэнь отшатнулся, вглядываясь в темноту сквозь мерцающую стену.

– Пилюли Черного Снега. Уголь и зимний бамбук. Они впитают яд и охладят ядро изнутри, не дав ему разорваться.

– Я не могу… – Старик покачал головой. – Господин Шан Гуань убьет меня, если узнает, что я дал важному свидетелю какую-то грязь из ваших рук. Вы под следствием, госпожа.

– Тогда не говорите ему! – Я в отчаянии подошла к самой границе барьера. Искры уже начали прыгать по моей одежде. – Скажите, что нашли в запасах старого лекаря. Скажите, что это семейный секрет. Мне плевать! Просто дайте это духу, иначе через время прогорания половины палочки благовоний от свидетеля останется только лужа черной слизи!

Чэнь колебался. Он видел мою решимость и что там, во дворе, положение дел выходит из-под контроля.

– Хорошо, – выдохнул он. – Давайте сюда.

Он шагнул к барьеру, похлопал себя по поясу, и его лицо побелело.

– О Небеса… – прошептал он. – Жетон… Я забыл пропускной жетон в парадном халате! Я выбежал так быстро…

Он в ужасе отдернул руку от сияющей стены. Как я поняла, без жетона барьер Пяти Громов не различал, свой ты или чужой. Он испепелял любого.

– Я не могу войти, – прохрипел Чэнь. – А если побегу

обратно за жетоном, то потеряю время…

– Времени нет! – крикнула я.

Я посмотрела на свои руки. Кинуть? Через барьер, который сжигает любую вещь, проходящую сквозь него без ключа? Пилюли рассыплются в прах, не долетев. Чэнь не может войти, я не могу выйти. Тупик. И на открытие барьера уйдет много времени.

– Нельзя кидать, – сказала я тихо, принимая решение. – Их нужно передать из рук в руки.

– Госпожа, нет! – Глаза Чэня расширились. – Без жетона это безумие! Вам оторвет руку!

– Не оторвет, если я буду быстрой.

Сделала глубокий вдох. Сейчас будет больно. Я знала, что Шан Гуань может почувствовать нарушение потоков, но если я ничего не сделаю, моя совесть сожрет меня заживо.

Протянула руку прямо в стену гудящего смертоносного света. Удар был мгновенным и страшным, словно тысячи раскаленных иголок вонзились в мою плоть одновременно. Запахло паленой кожей и тканью.

Закусила губу до крови, сдерживая крик, который рвался из груди. Мое зрение помутнело от болевого шока. Браслеты на запястьях раскалились, добавляя к боли от молнии ожог от металла.

Но я не отдернула руку и просунула ее сквозь пелену смертоносной ци по локоть. Моя дымящаяся ладонь с почерневшей кожей раскрылась перед лицом ошеломленного

Чэня. На ней, чудом уцелевшие, лежали три пилюли.

– Бери! – прохрипела я. Слезы катились по щекам, смешиваясь с потом. – Бери же, старый дурак!

Чэнь смотрел на мою руку с ужасом. Он видел, как кожа краснеет и покрывается волдырями прямо на глазах. Он дрожащими пальцами схватил пилюли.

– Госпожа… вы…

– Беги! – Я выдернула руку обратно, прижимая ее к груди. Пошатнулась, ноги подкосились, и я упала на колени в снег. Рука горела так, словно я сунула ее в горн кузнеца.

Чэнь, больше не говоря ни слова, развернулся и побежал к главному дому так быстро, как только позволяли его старые ноги. Я осталась одна. Я баюкала свою обожженную руку, раскачиваясь из стороны в сторону. Пульсирующая боль оглушала сознание.

Вдали, со стороны главного дома, раздался низкий, вибрирующий гул, дрожание силы достигло пика, а потом наступила внезапная тишина. Крики смолкли, всполохи красного света лекарей погасли.

Умер? Или выжил? Я не знала и сидела на снегу, глядя на то, как на моей ладони надуваются уродливые пузыри ожогов. Ткань рукава приварилась к коже.

– Идиотка, – всхлипнула я. – Какая же ты идиотка, Лин Юэ. Ты спасаешь тех, кто хочет тебя казнить.

Заставила себя встать, меня трясло. Нужно обработать рану, если начнется жар и появится гниль, то я потеряю руку,

а однорукий алхимик никому не нужен.

Вернулась в дом, оставляя на полу мокрые следы. Мази от ожогов у меня было мало – только остатки сока алоэ и гусиный жир, который нашла на кухне. Этого было недостаточно для магического ожога, но все же лучше, чем ничего.

Нанесла жир на кожу, стараясь не кричать от прикосновений, и забинтовала руку остатками подола, который рвала вчера для работы в саду. Легла в постель, кутаясь в одеяло с головой. Меня била крупная дрожь – боль и обратный удар после использования ци.

Я лежала, смотрела в темноту, прислушиваясь к каждому шороху, и ждала, что сейчас дверь распахнется и войдет мой муж с мечом в руке и приговором на устах. Он почувствовал прорыв барьера и все знает.

Я нарушила приказ, вмешалась и использовала магию крови. Три преступления за раз.

Ночь тянулась бесконечно, каждый вдох казался часом. Рука горела и пульсировала, не давая забыться сном. Когда за окном начал брезжить серый, мутный рассвет, я услышала шаги.

Я ожидала топот стражи, но это были тихие, мягкие шаги одного человека. Раздался почти вежливый стук в дверь. Я вздрогнула, резко садясь в постели. Сердце забилось где-то в горле, перекрывая дыхание.

– Войдите. – Мой голос был хриплым и чужим.

Дверь открылась, на пороге стоял Чэнь. Он выглядел

уставшим, под глазами залегли глубокие тени, но он держался с новой, странной почтительностью, которой я раньше не видела. Он теперь смотрел не сквозь меня, а на меня.

В руках у него был поднос, но не простой деревянный, на котором носили еду для слуг, а дорогой, для почетных гостей и господ. На подносе стояла фарфоровая чашка с дымящимся завтраком, от которого пахло имбирем и медом, стопка свежей одежды цвета весеннего неба, подбитой мехом, и маленькая баночка из белого нефрита. Чэнь вошел и поставил поднос на единственный стол.

– Господин приказал передать это вам, – сказал он, указывая на баночку. – Мазь из Небесного Шелкопряда мгновенно снимает боль и не оставляет шрамов.

– Он… знает? – Я замерла, прижимая больную руку к груди.

– Свидетель жив, госпожа. – Чэнь поклонился ниже, чем когда-либо. – Лекари были в ярости, когда я вмешался. Врачеватель Вэй кричал, что я убью духа этой грязью. Но когда ваша… смесь… попала в горло духа, чернота ушла, озноб прекратился, и дух уснул спокойным сном.

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение покидает плечи, оставляя лишь слабость. Жив. Догадка была верна, моя алхимия сработала.

– Что вы сказали господину?

– Я пытался уверить его, что нашел рецепт в старых записях библиотеки. – Чэнь позволил себе легкую, едва замет-

ную улыбку в уголках глаз. – Но господин Шан… он просто взял остатки одной пилюли, растер ее в пальцах, понюхал и сказал: «В этом доме только один человек достаточно безумен, чтобы смешивать собственную кровь с углем, и достаточно умен, чтобы использовать зимний бамбук против летнего яда».

– Он злится? – спросила я глухо и закрыла лицо здоровой рукой. Он все понял. Конечно, он же видел кровь в составе.

– Господин… озадачен. Он долго смотрел на пилюлю, а потом спросил меня: «Как она передала это?» Я рассказал про барьер. – Сжалась, ожидая приговора. – Он промолчал, но его лицо… – Чэнь покачал головой. – Он просил передать, что ваш долг за нарушение границ усадьбы считается уплаченным. Но он также просил передать, что, если вы еще раз сунете руку в барьер молнии, он лично наденет на вас кандалы, блокирующие ци полностью, для вашей же безопасности.

– Для безопасности… – повторила я.

– Возьмите мазь, госпожа, это сокровище резиденции. Одна такая баночка сто́ит как небольшой павильон.

Я посмотрела на нефрит. Шан Гуань не пришел сам и не поблагодарил меня лично. Он остался в своей башне. Но он прислал теплую одежду и лучшее лекарство, зная, что я пострадала, спасая его дело.

– Спасибо, дядя Чэнь.

– Госпожа… – Старик уже у двери обернулся. – То, что вы сделали… Вы спасли не только духа. Если бы свидетель

умер в доме Судьи, да еще и от рук лекарей, честь господина бы пострадала. Враги сказали бы, что он не может навести порядок в собственном доме. Вы защитили честь клана Шан. Мы… я этого не забуду.

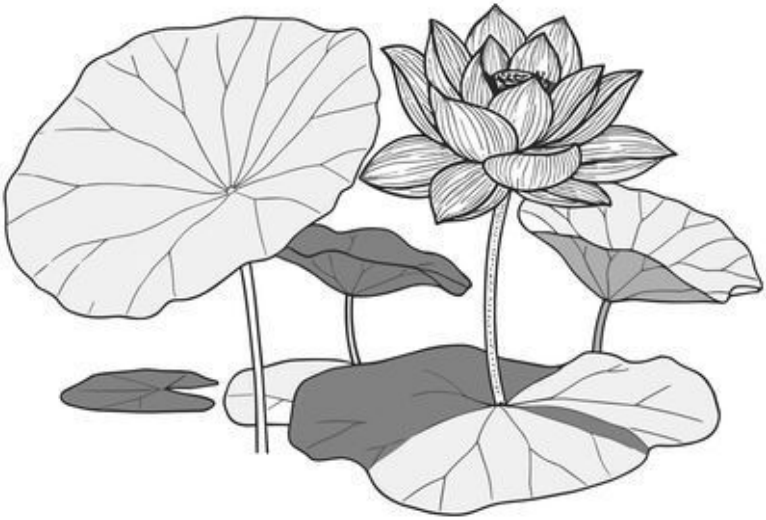
Он вышел, тихо прикрыв дверь. Я осталась одна, глядя на роскошный завтрак и баночку с мазью. Впервые за эти дни в холодном Бамбуковом Павильоне стало немного теплее.

Взяла прохладную и гладкую баночку здоровой рукой и открыла крышку. Внутри была полупрозрачная мазь, пахнущая лотосом и мятой. Я нанесла немного мази на ожог. Боль немного притупилась, приятный холодок успокаивал ее.

– Один – один, муж мой, – прошептала я. – Один – один.

Теперь я знала точно – он не бездушное чудовище. Он умеет ценить поступки. И в его ледяной броне только что появилась первая крошечная трещина.

Я подошла к окну, снег во дворе сверкал на солнце, игра переходила на новый этап. Я больше не была пешкой. Я сделала ход, и теперь мне предстояло узнать, каким будет ответный ход Ледяного Дракона.

Глава 6

Мазь из Небесного Шелкопряда действительно была сокровищем, стоящим небольшого павильона. К полудню жгучая, пульсирующая боль в моей обожженной руке утихла окончательно, сменившись приятной прохладой, словно я окунула ладонь в горный ручей, текущий с ледников. Уродливые волдыри опали, кожа начала светлеть, возвращаясь к своему истинному бледно-фарфоровому оттенку. Осталась лишь розовая полоса, напоминающая след от ожога крапивой, но и она должна была исчезнуть к вечеру. Завернула тканью руку, чтобы мазь не коснулась одежды.

Я сидела у окна своего павильона, кутаясь в новый плащ, подбитый соболем. Шан Гуань прислал надежную защиту от холода. Мир за окном казался обманчиво спокойным. Солнечные лучи играли на наледях, покрывающих ветви старой сливы, превращая сад в сказку из хрусталя. Но это только затишье перед бурей.

– Один – один, – тихо повторила я, разглядывая свою руку.

Шан Гуань принял мою игру. Он оценил результат и не казнил меня за дерзость. Это было обнадеживающе и пугающе одновременно, потому что теперь я перестала быть для него пустым местом и «бесполезным украшением». Когда Дракон смотрит на тебя, но не нападает, это не всегда озна-

чает безопасность. Иногда это означает, что он выбирает, с какой стороны начать есть.

В ворота павильона громко, требовательно и по-хозяйски постучали. Тяжелые удары металла о дерево, от которых задрожали стены моего ветхого жилища. Я вздрогнула, пряча нефритовую баночку с мазью в широкий рукав.

– Войдите! – крикнула я, поднимаясь и расправляя складки нового голубого ханьфу.

Дверь распахнулась с грохотом, на пороге стояли двое стражников в полном боевом облачении. Лазурные доспехи, шлемы с гребнями в виде драконьих плавников, тяжелые мечи на поясе. Их потоки ци были жесткими и колючими. Обычные вояки, исполняющие приказ, не задавая вопросов.

– Госпожа Лин Юэ, – произнес один из них, даже не потрудившись склонить голову. – Небесный Судья требует вашего присутствия в Зале Ясности. Немедленно.

Сердце пропустило удар и забилось где-то в горле. Зал Ясности. Зал для торжественных приемов и малых судов. Место, где выносятся приговоры при свидетелях.

– Мне позволено переодеться? – спросила я, стараясь сохранить ледяное спокойствие в голосе, хотя колени предательски дрожали. Мне не во что было переодеваться и не хотелось. Вся моя одежда была непригодна для проживания в доме Судьи, кроме его присланного ханьфу. Я желала подготовиться и подумать о причине прихода стражников.

– Немедленно, – повторил стражник, лязгнув ножнами. –

Господин не любит ждать.

– Хорошо. Я пойду так.

Мы шли через поместье, здесь было людно. Коридоры полнились слугами, которые, завидев нас, склоняли головы и вжимались в стены, пытаясь слиться с камнем. Но я чувствовала их любопытные, испуганные и злорадные взгляды спиной. Слухи в Облачной Резиденции распространялись быстрее болезни. Все уже знали, что ночью произошло нечто странное и что «дочь отравителя» замешана в этом.

Зал Ясности оправдывал свое название. Он был ослепительно, болезненно белым. Стены из кипенного камня, полированный пол, огромные окна, впускающие потоки зимнего света. Здесь невозможно было спрятаться в тень. Каждая пылинка, каждая морщинка, каждая ложь были видны как на ладони.

В центре зала на внушительном возвышении восседал Шан Гуань. Он был в парадных одеяниях Небесного Судьи из темно-синего шелка, расшитого серебряными волнами и облаками, стянутых тяжелым поясом с нефритовыми пластинами, и высокой шапке с начертанным словом «правосудие». Он выглядел как ожившая статуя божества. Холодный, недосягаемый и идеальный.

Но не он привлек мое внимание. Справа от возвышения стояла группа людей в белых чистых ханьфу с золотой вышивкой на рукавах. Трое старцев с длинными седыми бородами и лицами, полными праведного негодования.

Имперские лекари, вершина врачевательского искусства, те, кто лечит Императора и его наложниц. Те, кто считает, что любое лечение, не прописанное в Золотом Каноне Медицины тысячелетней давности, – ересь, караемая смертью. Я поняла, зачем меня позвали. Это был суд над моей «грязной алхимией».

– Преступница прибыла, – проскрипел один из старцев, указывая на меня узловатым пальцем, унизанным зачарованным перстнем. Я подошла к подножию трона, чувствуя, как пол холодит ноги даже через подошвы туфель, и опустилась на колени, склонив голову.

– Лин Юэ приветствует Небесного Судью и своего мужа.

– Встань. – Голос Шан Гуаня был ровным. Ни тепла, ни холода, только стук падающего камня в глубокий колодец.

Поднялась, расправив плечи. Я чувствовала на себе тяжелый, прощупывающий взгляд мужа. Он смотрел на мою руку, спрятанную в рукаве.

– Главный врачеватель Вэй, – обратился Шан Гуань к лекарю, стоящему посередине, тучному старику с красным лицом, – повторите свое обвинение в присутствии обвиняемой.

Старик Вэй выступил вперед, его потоки жизни полыхали раздражением и уязвленной гордостью. Огонь. В его ци было слишком много огня. Неудивительно, что он хотел сжечь пациента.

– Небесный Судья! – начал он визгливо, брызгая слюной. – Это возмутительно! Мы, лучшие умы Имперской Ака-

демии, боролись за жизнь важного свидетеля! Мы готовили сложнейший ритуал очищения Священным Огнем, чтобы выжечь скверну из его тела! И тут… эта женщина! – Он ткнул в мою сторону пальцем так гневно, что его жидкая бородка затряслась. – Она передала какую-то грязь и заставила вашего управляющего, старого дурака, сунуть ее в глотку умирающему духу! Это нарушение всех правил! Это покушение на убийство свидетеля!

– Свидетель жив, – спокойно заметил Шан Гуань. Он сидел расслабленно, подперев подбородок рукой, но его взгляд был цепким, как у ястреба.

– Жив?! – взвизгнул Вэй. – Пока жив! Но его меридианы забиты холодом! Эта девчонка дала ему яд инь, чтобы подавить симптомы! Это временно! Она просто заморозила его смерть, чтобы выслужиться перед вами! Но когда действие ее «лекарства» кончится, дух умрет, и его агония будет ужасной! Я требую немедленно казнить ее за использование запрещенных темных искусств!

– Именно! – Второй лекарь, худой как жердь, поддакнул. – Она использовала бамбуковый уголь и сырую кровь! Это методы темных культиваторов из Южных Болот! Это грязная, варварская алхимия! Клан Лин всегда славился своими ядами. Она хотела добить свидетеля, чтобы скрыть правду о преступлениях своего отца!

В зале повисла тишина. Обвинение было серьезным. Покушение на свидетеля карается смертной казнью, как и ис-

пользование темной алхимии. Шан Гуань медленно перевел взгляд на меня.

– Тебе есть что сказать в свое оправдание, Лин Юэ?

Я посмотрела на лекарей. В их глазах я видела страх, а не заботу о пациенте. Они боялись за свою репутацию, ведь сами не смогли узнать суть болезни, а какая-то девчонка из опального клана сумела. Им нужно было уничтожить меня, чтобы сохранить лицо перед Судьей.

– Главный врачеватель Вэй утверждает, что я использовала яд инь, – мой голос звучал тихо, но в зале каждое слово отдавалось четким эхом, – и что свидетель умрет, когда действие лекарства закончится.

– Разумеется! – фыркнул старик. – Ты нарушила баланс ян в его теле! Духи воды и так холодные, им нужно тепло, чтобы выжить!

– Духи воды холодные по своей природе, – согласилась я, глядя ему прямо в глаза. – Но скажите мне, почтенный врачеватель, какого цвета был поток ци пациента, когда его привезли?

– Черно-фиолетовый. – Вэй нахмурился, сбитый с толку вопросом. – Признак глубокого поражения скверной Бездны.

– А запах? – продолжила я. – Чувствовали ли вы запах?

– При чем тут запах? – вмешался второй лекарь. – Пахло гарью и тиной!

– Нет. – Я покачала головой. – Если бы вы подошли бли-

же, не полагаясь только на артефакты, а использовали свои чувства, вы бы услышали сладковатый запах гнилого миндаля и перезревших персиков.

Я увидела краем глаза, как дернулась бровь Шан Гуаня. Он сам только что выдал своим поведением, что знал о нем.

– Это признак яда Холодного Огня, – сказала я твердо. – Редкий яд, который добывают из корней Теневого Первоцвета. Особенность этого яда в том, что он маскируется и создает морок холода, заставляя тело дрожать, но на самом деле он сжигает меридианы изнутри. Это ложный инь. – Я обвела взглядом зал, задерживаясь на каждом лице. – Если бы вы, почтенные врачеватели, дали ему Пилюлю Солнечного Жара, как планировали, вы бы добавили настоящий огонь к скрытому огню яда. Дух взорвался бы мгновенно. Его ядро просто не выдержало бы избытка ян. Вы бы убили его своими руками.

Лекари переглянулись. Вэй покраснел так, что казалось, его сейчас хватит удар.

– Чушь! – выплюнул он, брызгая слюной. – Холодный Огонь – это пустые предания! Сказка для запугивания послушников! Никто не видел его в Империи уже сто лет!

– То, что вы его не видели, не значит, что его нет. Я видела. В библиотеке моего мужа есть свиток, описывающий его. И мой отец… – Я запнулась, но заставила себя продолжить: – Мой отец описывал похожее действие в своих закрытых трактатах.

– Твой отец – преступник! – заорал Вэй, торжествуя. – И ты читаешь его еретические книги в Зале Правосудия? Господин Судья! Это признание! Она признает, что пользуется запретными знаниями клана Лин!

– Я признаю, что спасла свидетеля, которого вы собирались убить своим невежеством! – крикнула я, повышая голос. Мое терпение лопнуло. – Моя «грязь», как вы выразились, состояла из особо очищенного угля, который впитал яд в животе, и сока зимнего бамбука, который охладил каналы, не вступая в противоборство с природой духа. Кровь была нужна как связующий ингредиент, потому что у меня не было под рукой духовного клея. – Я резко повернулась к Шан Гуаню и теперь смотрела только на него. – Сейчас свидетель спит. Скорее всего, жар утих и чернота ушла из ауры. Если врачеватели не верят мне, пусть проверят его пульс сейчас. Если там есть признаки распада ян – я готова принять наказание. Отрубите мне руку или голову прямо здесь.

Шан Гуань молчал. Он смотрел на меня с нечитаемым выражением на лице. Его пальцы медленно постукивали по нефриту подлокотника. Тук. Тук. Тук. Как капли воды, отсчитывающие секунды до моей казни.

– Управляющий Чэнь, – позвал он, не отрывая от меня взгляда. Старик Чэнь, стоявший в тени колонны, выступил вперед. Он выглядел уставшим, но спокойным. – Доложите о состоянии свидетеля.

– Свидетель очнулся час назад, господин, – поклонился

Чэнь. – Он слаб, но разумен. Он попросил воды и… поблагодарил за то, что «огонь внутри перестал жрать его живот». Это его точные слова.

В зале повисла звенящая тишина. Врачеватель Вэй побледнел, его рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег. Он понимал, что проиграл. Шан Гуань медленно поднялся, его огромная пугающая тень накрыла нас всех.

– Имперская Академия… – произнес он тихо, и от его голоса стало так холодно, что воздух застыл. Пар пошел изо рта стражников. – …получает от казны десять тысяч серебряных лянов в месяц. За эти деньги я ожидаю отличной работы, а не того, что мою жену придется будить посреди ночи, чтобы она исправляла ваши ошибки, рискуя собой.

Слова «мою жену» прозвучали как удар гонга. Он публично назвал меня супругой в присутствии посторонних и своих врагов. Это было взятие под защиту клана. Он обозначил свои пределы. И лекари от его слов задрожали.

– Господин… мы не знали… признаки недуга были необычными… мы действовали по правилам… – забормотал Вэй, кланяясь так низко, что его лоб почти касался пола.

– Вон, – бросил Шан Гуань. – И если я узнаю, что свидетель умер из-за вашего «лечения» или недосмотра, вы займете его место на носилках.

Лекарей как ветром сдуло. Они пятились к выходу, кланяясь и бормоча извинения, спотыкаясь о собственные хань-

фу, пока стража не захлопнула за ними тяжелые двери. Мы остались втроем. Я, Шан Гуань и Чэнь, который тут же мудро растворился в тенях, оставив нас наедине в центре огромного зала.

Шан Гуань спустился с возвышения. Он двигался плавно и бесшумно, как хищник, и остановился в двух шагах от меня. Я чувствовала, как дрожат мои колени, сила схлынула, оставив после себя слабость и головокружение.

– Ты рисковала, – сказал он.

– Жизнь духа была важнее риска, – ответила я, глядя в пол на узоры.

– Я не про духа. – Он шагнул ближе. – Ты рисковала, бросая вызов Вэю. У него связи при дворе. Он любимец наложницы Императора и мог уничтожить тебя одним словом, оклеветать, если бы свидетель умер.

– Но он не умер.

– Верно. – Шан Гуань помолчал. – Теневой Первоцвет, яд Холодного Огня… Ты слишком много знаешь об этом, Лин Юэ, для девушки, которая должна вышивать и играть на цитре.

Он взял меня за обожженную и уже зажившую руку. Его прикосновение было осторожным, почти невесомым, но я вздрогнула. Он поднял мой рукав, открывая белую ткань, которую я сама наложила поверх мази.

– Мазь помогла?

– Да, – выдохнула я, чувствуя, как краска приливает к ще-

кам. Пальцы Шан Гуаня были прохладными, но от этого прикосновения по коже бежали мурашки. – Спасибо вам.

– Ты сказала им правду про состав пилюль? – спросил он, рассматривая мои пальцы, словно искал на них следы магии.

– Да. Почти.

– Почти? – Он поднял взгляд на мое лицо. В его серых глазах снова появился тот самый опасный огонек интереса, смешанный с… уважением?

– Я не сказала им, что добавила в смесь немного пыльцы Лунного Цветка, чтобы успокоить боль. Это не влияло на уничтожение яда, просто… милосердие.

Шан Гуань хмыкнул. Уголок его губ дрогнул в едва заметной полуулыбке.

– Милосердие – опасное качество для жены Судьи. В нашем мире милосердие часто принимают за слабость. – Он отпустил мою руку. – Ты спасла свидетеля и мое расследование. И ты унизила старого дурака Вэя, которого я давно хотел выгнать из Совета, но не имел повода. Три победы за одно утро. Неплохо для заложницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.